

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

№ 1 (879) 1964

СМЕНА

1924

1964

СМЕНА

СМЕНА 1924

СМЕНА 1964

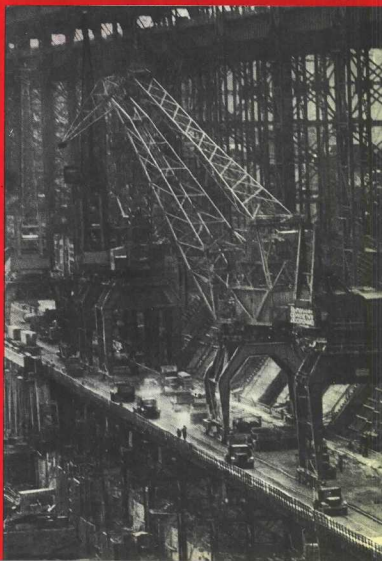
В январе 1924 года вышел первый номер нашего журнала. Нет ни одного важного события в истории Советского государства, в истории Ленинского комсомола, которое не нашло бы отражения на страницах «Смены» за минувшие сорок лет. Взгляните на снимки, которые публикуются в этом номере. Все вместе они — фоторепортаж о русском чуде, репортаж, который из года в год ведет «Смена».

Ракета, изображенная на рисунке, не имеет ничего общего с современными межконтинентальными кораблями. Рисунок был опубликован в одном из номеров «Смены» в 1924 году. Впрочем, есть общее между рисунком и помещенными рядом снимками. Это общее — мечта, которая за сказочно короткий срок стала реальностью, воплотилась в улыбке первого человека, вернувшегося из звездного полета на родную Землю.

Обратите внимание на эту диаграмму. На ней показана сравнительная мощность крупнейших электростанций мира. Диаграмма ровно тридцать лет. Почетное место на ней занимает паровая советской энергетики — Волховская ГЭС, строительство которой изображено на нижней снимке, сделанном сорок лет назад. А ясным достижением гидротехнической мысли считается в то время проект Камышинской ГЭС на Волге. 1560 тысяч киловатт — эта цифра тридцать лет назад считалась фантастической. Сейчас она много не удивляет. Ведь мощность Волховской ГЭС имени В. И. Ленина превышает 2,5 миллиона киловатт. А ниже сибирские гиганты! Мощность Братской ГЭС [снимок справа] составит 4,5 миллиона киловатт, а сооружаемая на Енисее Красноярская ГЭС будет в 25 раз мощнее паровая советской энергетики на реке Волхов. Постыные мы превращаем мечту в быль.

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал Центрального Комитета ВЛКСМ

ЯНВАРЬ
1964

(879)

Год издания: сентябрь 1964

198
12 Т

КРУТОЙ МАСТ

ИЗ ДНЕВНИКА СЕКРЕТАРЯ ГОРКОМА КОМСОМОЛА

Сейчас ему двадцать семь. Он задумчиво усмехается, рассказывая о начале трудовой жизни. Тогда ему было шестнадцать. Чуждый и гордый, он подошел к своим сныки к своему дому и слышал за стеной голоса соседей:

— Учй уроки, Владик, а то будешь таким вот смазником, как Васяк Максимов!

Шла, по вечеру стук мела по черной доске и полусонные часы над раскрытой тетрадкой. Позже — институт в Харькове и снова Горловока: Максимов В. П. зачислен в штат нормативно-исследовательской станции. А еще через два года — горком комсомола, работа неожиданная, заставляющая многое переудумать заново.

Мы сидели в кабинете секретаря горкома. Почти не закрывалась дверь, не замолкали телефоны. Было такое ощущение, что это — самое шумное место Горловоки. Поколебавшись, Василий достал из нижнего ящика стола небольшую тетрадь в коленикором переплете, сказал:

— Не знаю, почему ты тебе. Здесь я пытался кое в чем для себя разобраться.

Винтор МИХНЕВИЧ, журналист

...елую неделю я едвально принимал дела. А когда все было закончено, сел я за стол и вспомнил старый спор о том, что же такое комсомольская работа и что в ней главное. Ведь одно дело — работа внештатная, когда я получал деньги в тресте «Горловоксель» за точно нормированный рабочий день и четко определенный круг обязанностей, другое — сейчас, когда мне доверено руководство будущей организацией. И кажется, будто сейчас сидит напротив меня парень с тяжелыми руками и говорит мне:

— Давай действуй, я тебе верю... Но я вижу и другого парня. Он скептик и не верит на слово. Он хочет увидеть, чего я стою и что могу. И очевидно хочется верить, что он не сможет меня упрямить на следующей конференции за то, что я даром получаю зарплату, которая в конечном итоге — его членские взносы.

...Сегодня наша рейдовая бригада обнаружена на подьездех пути шахты целый шезлонг кирпичного леса. Проверили накладные. Оказалось, что лес стоит уже неделю и никто не думает брать за его разгрузку. — Шезлонг с лесом! — искренне

удивился начальник отдела снабжения. — В этом вопросе никак не новостей нет: все разгрузочные площадки заняты.

Он с интересом рассматривал нашу рейдовую бригаду, особенно Люсю Ковалева.

— А когда они освободятся? — спросил Люся.

— Ну, может быть, денюха через три, а может, завтра и вечером, — неопределенно протянул снабженец и доброжелательно улыбнулся. — Да вы, ребята, не беспокойтесь, все сделаем. С течением времени...

Володя Третьяков, старший осмотрщик вагонного депо, до сих пор хмурую слушавший, вступил в разговор: — Мы бы не беспокоились, если бы штрафы платили лично вы, а не шахта.

— Как?

— Да вот так. В общем, если сегодня лес не будет разгружен, завтра утром передадим его другой шахте, где есть площадки.

Он уже не разглядывал Люсю Ковалева, и все происходившее, по-видимому, нравилось ему все меньше и меньше. Еще бы, шезлонг леса не шутка! В общем, понял, что мы пришли не развлекаться.

— Ладно, ребята, — сказал наконец

снабженец. — С лесом ясно, сделавши сегодня же. Еще один вопрос: у вас что, других забой мало — самодельность там, все такое?

Ну, что ж, в конце концов, вопрос этот не так и страшен для человека, который за долгие годы привык к тому, что главные дела комсомола — стеногазета, самодельность и «все такое». Другое вызывает у меня досаду и недоумение: когда такой вопрос задают сами комсомольцы. Вот на днях встретил я учительницу вечерней школы Зину Тонстюку. Она шла на Совнаркомовскую улицу и своей ученице узнать, почему та бросила школу. Пошли вместе. Дома сказали, что Шура Доценко вот-вот должна прийти. Мы сели на скамейку во дворе, решили подождать. Подошел и нам парнишка Дима Кучеренко, бывший ученик Зины. Разговорились. Рассказал, что сейчас готовится поступить в Донецкий политехнический институт, работает в шахте кирпичного леса. Когда я обмолвился, что зашли вот к Шура Доценко узнать, почему она бросила школу, с Димой Кучеренко произошла странная перемена. Он вдруг нахмурился, состынился, будто иглами вынул, шприц: — А тебе что за дело? При чем здесь горком?

— Ну как же, — удивился я, — она же комсомолка!

— Значит, брось, мы не на собрании.

И замкнулся. Так и молчал, пока мы разговоривали с Шурой, только поглядывая иронически и усмехаясь чему-то.

Причина, по которой Шура бросила школу, оказалась сразу понятной: на руках у нее был ребенок.

— Ясли! — переспросила Шура. — Значит, сколько в провинции потрачено, чтобы его устроили? Говорят, жди очереди. Восемь месяцев едва только обещания. А по очереди я девятность седьмая.

— Ну, что ж делать, — попытался я

нее уехать, хотя утешение было, конечно, не очевидно. Убедительнее — Мой Юра записан со тридцать четвертым...

Снику сейчас, вспоминая шумное лето, Дима Курченко, вспоминая усмешку и его слова. И думаю: в чем дело? Ведь он не пилон какой-нибудь, не бездельник, не маленький сын, он рабочий, крапный парен, он действительно на учете у нас хорошая организация, был я как-то у них. И комсорг там что надо, крепкий, как у нас горняк. Откуда же это настроение и идея? И что он в нас гадаешь? А насчет эселев — ну крепко подумать...

В пилон почти слетел — не дождики рулит. Смет молодых горняков, День призывника, провора обязательств молодеческих Бригады, рабды по расхваленому крепкоуголо. Все дела ваяны, все срочные. Но было бы я ни давал, где бы я ни был, всюду вспоминается мне Дима Курченко и его юрковский любящая, его мне ваше дело. Мне кажется, что с некоторой пор я все свое работу оцениваю глазами. Дима Курченко и иногда ловлю себя на мысли: «А что сказал бы этот ершовой парень?»

Вчера выдался более свободный день. Решил пойти по обществу, поглядеть, как там и что. Обществу... Почему-то всякий раз я вспоминаю студенческое наше жилье и песню о нем.

Ты пристань мой путевая
На длинном и трудном пути...

А ведь общение — это пристань не только для студентов. Молодые шахтеры тоже проводят в обществу часть своего времени. В этих стенах они отдыхают после смены, спорт с друзьями, готовятся к занятиям в школе, отдают отчеты в клуб. Курченко тоже живет в обществу. Уж не отсюда ли несет он свою невооруженность и недоброжелательность к коммунистическому миру? И вот сейчас, я, несколько ребят и горком — члены райовой бригады. Попали в обществу, в компании пятой шахты. Неужто, конечно, ни телевизора, ни шахмат. Проглядывая, что же там говорит! Даж если это общение самое плохое, а в других посвежее обон, и комнаты лучше убавлены, и коридоры почище, а равно санузел. Разговорились с пожилой женщиной. По шахтному расписанию — паспортца-воспитатель.

— Ты бы ребыт-то воспитывала?
— Да так и воспитываю. Придет другой раз, скажем, пьяный, бунуйт, подойдешь, скажешь ему: «Спать ложись, чего лодым мешать?» Тут слово сразу пошла зазвучит иронически. Я и подумал, что где-то здесь кроется корень зла.

Впрочем, в этот же день выяснилось, что и Курченко это некое отношение не имеет. Он имеет интернате. Небольшие комнаты, хорошая мебель, радио. И хотя здесь не предусмотрены штатом воспитательные функции, в красных уголках не скучают. Интернаты — это хорошо придумано. В девятом интернате шахты «Юнгарка» даже устроили столовую с трехразовым питанием, которое работает в день всего рубль двадцать. Если учесть, что средний заработок молодого шахтера — 200—250 рублей, получается, что у него остается немаленькая свободная денга. Потом ли на «Юнгарку» не жалуются на текучесть кадров? Сейчас думаю: может быть, есть смысл поставить вопрос о создании свободных комнат и интернатов? Пожалуй, особых трудностей здесь не будет. Нужно будет

обсудить это дело на бюро, поговорить с хозяйственниками.

Диму Курченко, между прочим, тоже видел, зашли к нему в комнату. Он готовился к экзамену. Я ожидал, что спросят: «Что вам за дело?» Нет, промолчал.

Да что ты забил: заходила в комнату Зина Толстая. Довольная. Шура Додошко снова ходит в школу. По замкам сформальной логикой можно сделать вывод, что ее Леночка в асли придела. Неадром, значит, столько аккомодировалась со строителями, ведь столько дверей горючих она являлись организатором. Все на строительстве всякая.

Позовия в гордарах. Может быть, подошла и 134-я очередь? Нет, только по двадцать. Но все равно приятно. Очень приятно, что где-то кому-то стало лучше жить оттого, что ты, лично ты, именно ты помог, побеспокоился, сделал что-то.

Впрочем, таскать камни и тачку с мусором — это не самое трудное. По существу, в комсомольской работе это, наверное, самое простое...

реть день дождя, холодно, мокро. И настроение, что-то вялое. Началось с того, что ездил на строительство шахты «Горловская-Лубяжская» разбираться со снабжением и питанием. В автобусе встретил двух знакомых: Мельникова и Сапунова, они работают дождичниками на «Юнгарке». Только что приехали из Донецка, с футбольного матча. Довольные, довольные. На полную машину, вымокли под дождем и на чем свет стоег рулили шахтком, администрацию, а завод и завод не вымокли. Началось с того, что ездил отказали, привезли автобус для поездки на матч. Сапунов бросил мне:

— Распутся ты своих подчиненных...
В общем, в знак протеста они зашли и уехали на три дня ебодеть за любимую команду. Теперь вот возвращаются, делают Лидя Трофимовна. Смотрел я на них, и зло разбирало. Здоровые, сильные, молодые парни, крив с молоком, одоли с иголочкой, шумят, много не стесняются, самоуверенные, самолюбивые — герои! Неужели мы работаем для таких вот? Неужели для того, что им сладко живется, который уж год не может использовать своего Лидя Трофимовна. Редрн их задериживают на работе до полнучи Виктор Глазков и Гаяя Игитина! Для них это хрипыг рулит с провинциальным замком Лидя Трофимовна. Неужели мы работаем в горком, райкомы, актив, работаем законно без обезда и монем под дождями?

сегодня, на заезжая в горком, поехал на шахту «Комсомольца»: там должно было состояться бюро. Оказалось, что бюро перенесли, поэтому что у тра решено провести первые испытания комбайна «Комсомольск». Там, на испытаниях, и комсорг учавствовал. Был Екимович и многие члены Бюро. Появился с Володей, секретарем бюро, в леву, отсылали плант «Соленья». Еще издали увидели знаменитую армю рабочей. Подошли ближе: отпустили комбайн, конструкторы «Донгидропром», ребята с завода имени Кирова, главный конструктор комбайна Литвиненко и конструкторы Лейниа, я волновался, нервничал. И есть из-за чего нервничать. Это «Комсомольск» — уникальная машина. Его изобрел знаменитый армю рабочей с машинностроительного завода имени Кирова. Работали по вечерам,

по воскресенье, в праздники. Теперь их делегата горнаты, суют, но их не очень-то слушают: сейчас решающее слово за шахтерами.

Вдруг все притихло. Литвиненко и конструкторы Лейниа, Бендерев берется за рычаги — пошел! Первые глыбы угля грохочут между стойками крепления. Володя смеется, но тут же осекает. Крутом напряжении.

Это пласт самый трудный в леве. Крутопадющий, или попросту крутой. Прейтний комбайн пришлось перевернуть. Лейниа и Бендерев раскисли на пласте, такого профита. Теперь все идет: если только комбайн выдержит здесь, лучшего испытания не придумать.

Потомому поднимаются в пласт стальные збуля, уголь идет на-гора, что ты на тех напряжены люди, и люди начинают переговариваться — и вдруг кто-то крикнул на смену меромогу. Комбайн замор. Короткое свечение у машины. Причина яса: режущий орган расположен слишком высоко и оставляет в лодыше пласта уголь. Нужно углубить носок комбайна, а для этого выводить машину на поверхность. «Додоша» не то слово, чтобы выразить чувства, которые испытывал в этот момент. Ну что ж — провал. Все вроде бы ясно. Но люди не расходятся, применяются, обжигают машину, чувств в затылке.

— Что же будем! — говорит наконец Женя Ефимов. — Что «не будем»? — Выводит не будем! — Вызывает не будем! — Вызывает не будем! В пласт. На него смотрят недоверчиво: сколько спой угля — это не штука. Но молоток в руках Женя стучит, стучит, летят брызги угля, откалываются мелкие куски угля, выдвигаются стансы, что уже немогут уйти, за зубило берется механик Василий Смирновский. Рубить неудобно: стравляет в глаза колючая пыль, тучей вылетают для воронки, молоток срывается на палы...

Подходит очередь Володи браться за молоток и зубило, потом мюк, потом замаску круг, зубило снова свращается к Жене. Я смотрю на черные лица вокруг. В прыгающем свете шахтерского ясы лица збуя, белая грязь. Шаповал, Бондарев, Смирновский, Шухмин, незнакомые ребята с машзавода, конструкторы «Углемаш». Это очень здорово: смотреть на людей в интрибном делом, отдающих этому делу страсть, юль знания. Я смотрю и думаю о том, что, конечно, их, а не таких, как Мельников и Сапунов, подвлекать большинство наших шахтеров — не так уж трудно, и для них, для чудесных наших ребят, работаем мы, для них мы ругаемся с чиновниками и носимся по городу, кричим на комсомольцев, для них мы приходим в горком на ранышь и уходим, когда во многих домах Горловки гаснут огни, для них мы моим под дождями и работаем без отпуска. Они стбят этого, они стбят того, чтобы адвое, время больше работать для них, честное слово!

А как же Дима Курченко? Или он не знает, или не хочет, или просто того, чтобы адвое, время больше работать для них, честное слово! А как же Дима Курченко? Или он не знает, или не хочет, или просто того, чтобы адвое, время больше работать для них, честное слово! А как же Дима Курченко? Или он не знает, или не хочет, или просто того, чтобы адвое, время больше работать для них, честное слово!

и молчаливо. Были среди них и Сапунов, Мельниковы. В пятнадцать тысяч тонн не выданного на-гора угля за три месяца обошли шахте их поведия на матч, их «болозня» с поэмелля, их сподания на работу и на выезде.

Выступали анюны. Молодые, старики, жены подсмудимы. Слово провалилось даже копившись жем, презирая рабочего человека к лодырям и на выезде.

Преня прекратили на двадцать пером ораторе. Поставили на головоное обращение коллектива «Юнгарки» и правителству с просьбой устроить в райкомы дифференцированное распределение материальных благ. Чтобы так: прогулял день — не дене меньше будешь гулять во время отпуска, безработничая в шахте — позже другие получишь квартиру, плату за санаторий. Принято единогласно. Как говорится, «с глубинами и полным удовлетворением». Сказано, когда уже почти кто разошлись, подошел Николай Антонович Колесников, старый горняк-пензионер, долго старй руку.

Гарно дело зброили! Ось жилю молодому!

Принято слышать такое от коммуниста с пятидесятишестилетним стажем. Принято было на следующий день отвечать на телефонные звонки из других горняков района, рассказывать о том, что придумали люди на комсомольском съезде: ничего особенного, читайте горловскую газету, статья называется «Граничить права работников», а в комсомольском приятном делом была одна из записок в президиум. Она была короткая, эта записка: «Прошу слова, Дмитрий Курченко...

ложная штука — жизнь. Не ново, но верно. Вот бывает такое, когда человек не знает что-то случайное, совсем вроде бы мелочь. Идут дни, дая — одно за другим, за будущим было об этой мелочи, потом вдруг снова возникает слово напоминает о себе, и снова о ней забываешь, и снова она появляется и входит в круг дель и забот. И, приглаживая, видишь, что вовсе это не мелочь, а, может быть, самое главное. Так появилась в мой жизни Дмитрий Курченко. Сначала упомянув его имени вызвало чувство досады, потом — удивление, а месяц назад — радость от короткой его записки. Кто же ты такой, Дима Курченко? Чем ты живешь, чем дышишь, что тебе за работа? Или ты не мелочь, а, может быть, самое главное.

Мне кажется сейчас, что я многое потеряю, если не смогу наконец разобраться в этом парне. Самое простое, конечно, вызвать его и поговорить один на один. Но мне так не хочется. Повакь и нему и поговорить. Но почему-то это не так просто. Говоря откровенно, боюсь услышать: «А тебе что это дело?» Не попытаться надо...

...Поблизости не успею, что работает Курченко, встретился с ним самим. Опасения мои поначалу оправданы: он отпиался и весь вечер говорил, и что тебе от меня надо? Говоря честно, я растерялся и думаю, что так и законится немей этот наш разговор. Но вышло иначе.

Мы сидели в комнате комсомола. Сначала никого не было, потом пришел комсорг, за ним — двое ребят, которых, видно, Алексей вызвал. Нелюбовно я полаял, эти двое не видны, так говорил, и что тебе от меня надо? Говоря честно, я растерялся и думаю, что так и законится немей этот наш разговор. Но вышло иначе.

Алексей пилил их так, как будто самому это доставляло истинное наслаждение. Он напоминал о значении коммунистических субботников и о состоянии молодежи накануне нового времени. Он говорил о революционных традициях и эстафете поколений. В сущности, Алексей говорил правильные вещи, на которые и возражать было нечего, как он и говорил. Словно перед ним был переполненный зал нашего Дворца культуры, а не два парня, которые невольно переминались с ноги на ногу и изредка иронично переглядывались. Алексей смотрел куда-то в пространство между ребятами и все говорил, говорил. Для кого это он? Неужели для меня? Я случайно взглянул на часы во время монолога комсорга и удивился: Дима покранен и, похоже, едва сдерживал себя. Тогда-то и, кажется, начал впервые понимать, в чем дело.

Когда мы уже шли по городу, Кучерено сказал:

— Знаешь, слушая Лешку, я иногда начинаю думать, что никакой комсомольской работы вообще не существует вообще, что все это потрясающие размеры показуха и что все эти правильные слова о долге и прочем придушены только потому, что быль для Лешки удобнее погнать. Можешь обвинить меня в политической отсталости — это я уже от него слышал — но меня тошнит от его красноречия. Где вы сейчас боитесь раскиснуть? Выпейте! «Традиции! Эстафета отцов!»... А знаете, почему ребята на субботнике не были? Да очень просто: прощались с друзьями. Остались только мы с детским с другом, а теперь он служить пошел. Скажете, не уважительная причина?

Почему же, уважительная, по-моему. А что и они не съездили?

— Да потому, что Леха еще минут на пятнадцать застрял бы о противопоставлении личных интересов общественным.

В общем, мы долго и в многом поговорили. Хорошо поговорили. Так и получилось: шел знакомится с одним парнем — узнал друга. С «крепкими комсоргом» нужно самым срочным образом разобраться.

Откуда это у Алексея? От пустого крошечества или от укоровившейся привычки мыслить и рассуждать готовыми, старыми формулами, не задумываясь об их содержании? Наверное, именно здесь и лежат корни драматизма, и в том, что они способны дать ростки, виноваты мы, виноват я, секретарь горкома. Думать надо, очень много надо думать.

Но трагизм меня сбится и другое: пренебрежения Димы к таким вещам, как ответственность нашего поколения перед поколениями отцов. Пусть даже nobody ему осомнует эти заветы из-за Алексея. Но с другой стороны, нельзя же так и оставить. Нельзя оставить несправедливым то, что история одним делом из-за нашего же в конечном счете попустительства. Ведь хорошие, правильные парни Дима и друзья его.

как Дима,— а их ведь не так уж и мало! — что каждое слово будет звучать четкие юны, способные уловить любую, даже едва заметную фальшь. И потому мы решили написать предельно краткие заметки! Пусть каждый из наших гостей расскажет то, что наиболее важно для него, и пусть скажет так, как умеет. Мы не ошибемся.

Я думаю сейчас в чем секрет успеха нашего вечера? Ведь в конце концов ничего особенного не рассказывали работая на комсомольцах. О-го-го! два Ваньки Яковлевич Лавини и Наталья Георгиевна Ольхова, ни другие участники встречи. И все-таки был успех. Наверное, это потому, что одно дело, когда читаешь в книге и слышишь по радио, а совсем другое,— когда прямо перед тобой стоит живой человек, и ты видишь шарм у него на щеке или искаленную руку, и он рассказывает о том, что лично он пережил. Даже несмотря на то, что рассказывал он коротко, но очень силно, по-своему.

Я попытаться смотреть глазами Димы Кучерено и слушать его ушами. И не смог долго продержаться в этой роли. Потому что было попросту интересно слушать рассказ бойцов партизана о том, как группа смельчаков выбивала фашистов из большого села на Брянщине.

Я вглядывался в темноту зала и видел внимательные глаза, напряженные лица наших ребят. И неожиданно для себя увидел в самой гуще Димы. Я не могу сказать, что лицо его поразило меня, но оно было совершенно спокойно, слушал. Но самое главное — ему, как и всем, кто сидел рядом, с божом, впереди него, было интересно то, что происходило на сцене, но он оставался равнодушным. И тогда я подумал, что нынешний вечер может стать тем первым толчком, который поможет таким ребятам, как Дима Кучерено, понять истинный смысл и непреходящее значение наших заповедей. Понять и поверить. Поверить и бороться за то, чтобы они жили.

чень давно не писал. Сначала шла подготовка к областной конференции, потом сама конференция. Ругали нас, потом хвалили, потом снова ругали и снова хвалили. И вот я сижу и думаю: так что же все-таки это такое — комсомольская работа? Почему как думал об этом не год назад. Многие было за этой год; и удачи, и срывы. Впрочем, что кричать душой: мне приятно сейчас чувствовать, что я дарю ей хлеб. Почему-то вспоминается, как работал на крупноагрегатной пласте угольной комбайн «Комсомолец» как после долгой, упорной дневной наработки пошел на-гора большой уголь. Да, мне приятно вспомнить и записку Димы Кучерено в президиум собрания. Я знаю, что впереди много «перезрешимых» задач и уравниваний со многими несправедливостями: будут, будут и срывы. Но ведь я и сейчас не совсем тот, что прежде...

Так что же такое комсомольская работа? Горюет: вечный поиск. Может быть.

Говорят: призывание. Возможно. А мне кажется, это нечто вроде крутого поворота: асфальтом подступи и не спорить, и не разсылать себе пальцы сосклизывающим с зубила молотком. Но разве может быть чувство выше того удовлетворения, которое испытывает угольник, что пошел канцеляр на-гора...

г. Горловка, Донецкая область.

В предыдущем номере журнала мы попросили молодых строителей замкомхоза Большой Губиной фабрики — дескать, прокомментируйте строительство второй очереди АЭФ-2. Материал мурманского журналиста Георгия Ковалева рассказывает об одном из эпизодов этого строительства.

ПОСЛЕДНЯЯ СМЕНА

Был просторный и теплый зал в огнях, затанцовавший до валаха джигжера оркестр, торжественный председатель профкома, знаменитый фамилия новых ударников коммунистического труда:

— Лавочкин, Чумаков, Баскитый, Баренский, Валентин Кучерено, Анатолий Загрянин, Михаил Холдов, Алексей Дороговцев, Николай Сорокин...

Ну это позже. А сейчас разное...

Из прожестора был вдоль танцплощадки, слева глава.

— Да выключите вы свет! — крикнул кто-то снизу.

И сразу стали видны снежинки, падающие на землю. Откуда-то слева шел мерный гул — работала обогащательная фабрика, изредка вспыхивая в той стороне флюоресцентные звезды; и ночью не прекращались монтаж второй очереди АЭФ-2. А здесь, на дне глубокой траншеи, было тихо, слабо била наверху тоненькие столбы ветра и чернели вершины елок.

— Навались! — крикнул командовал Николай Чумаков. — Еще немного... Еще...

Отвалившись в стене траншеи, Николай поднес запястье к глазам: начало двенадцатого. Сколько уже здесь, на дне траншеи? С девяти утра до девяти вечера — это двенадцать часов, с девяти вечера до одиннадцати — еще два, всего — четырнадцать. И сколько предстоит еще?

Кто бы мог подумать, что смена эта будет так долгой?

У бригады Чумакова был нормальный рабочий день. Один за другим вставали и подготавливались пазы бетонные кольца гигантского трубопровода. Тотчас графиню шла работа. Но подходить и врань траншеи пробор Геннадий Кориков, спрятав лишь, расстояние оценил расстояние до конца аварийного сброса и сказал:

— Загнать в семь пойдет лучше.

На него оглянулись с недоумением.

— Загнать в семь утра.

— Что они там с ума съехали?

— Сидатли, не сидатли... На пулюноасосной меладии...

В незаключенный сброс пойдут пульты... Это значило: затянеть вязкой тойной траншею, подмот края, завалит так, что потом ребята не то что на одну смену, а и за месяц не управятся. И, видно, каждый прикинул: оставлю составлять всевозможность колец.

В среднем за смену ставится пятнадцать. Вперед ночь.

— Начок-то не очень разваривались... пробормотал задумчиво кто-то.

Покурили, помолчали. Глубоко затянувшись, Николай бросил:

— Ну, вылезает?

— Ноль часов пятнадцать минут.

— Осталось десять колец, десять метров.

— Даа саа тридцать минут.

— Кочачь перекур, вылезает...

— Четыре часа сороч пять минут.

— Загнать бы!

Положили себя на карманы, наварили сна: нуто, не записали.

И вдруг так откуда-то появилась, поплыла по рукам.

Слишком вспыхнул разом в трех местах, осветили обгитные горелочной кожей ступы, засветились скачки оголых лампочек: одна, другая, пятая, седьмая... Восемь. Николай тряхнул головой, переключил: восемь. Восемью-то откуда вылезает? И, словно в ответ, прозвучал хриплотый голос проора:

— Пять колец осталось...

— Ой, ты-то откуда вылезает? Засмеялись:

— Только заметил?

К утру звуки стали громче. Заметно подмораживало.

— Хорони... Давай слушайтвое.

И чего-то голоса смущенный:

— Нету веру следующего...

— Как нету?

— Нету... Да хочешь же, братиш!

Простенале на асфальте, из вспыхнувший костер снова ступил темноту. Нервное пламя билось на холодной земле, тускло отражалось на ледях, осунувшись за ночь, на тлеющих руках, упавших с колец. Со стороны фабрики лесск какой-то послышался, точно прощальное прощание, асфальт себе доруги через галку. Быстро приближался. Из черноты отсветов аварийного сброса раздалась пенная струя, закончилась, болел пар окутал брос: шла пульт. Длинная стрелка на часах Николаю только переносила «12», короткая стояла на цифре «7». Смена закончилась.

ПЕРИНИМАЕСТ

Фотоочерк В. МИШИНА

На станции Ясноватая обычный рабочий день. В кабинете Валерия Николаевича Бутко, начальника станции, людно, дымяно и пока тихо. Замы, дежурные по станции, по горкам, маневровые и узловой диспетчеры — все собралось на ежесуточный «доклада».

Валерий Николаевич изучает график работы узлового диспетчера. Сколько прибыло составов, сколько расформировано, сколько сформировано и отправлено — все это на бумаге в разноцветных стрелках, точках, квадратах, линиях. Все ясно. Ясно потому, что Валерий отлично знает станционных хозяйство: 29-летний начальник станции, младший представитель железнодорожной династии Бутко, сам поработал на каждом участке этого сложного и точного механизма.

Я уже знаю: первый вопрос будет о работе горки. И действительно, Валерий отрывается от графика.

— Почему плохо сегодня работала горка?

— Да ведь туман был, Валерий Николаевич. — Дежурный по горке переминается с ноги на ногу. — В двух шагах — ни зги. Конца состава не видно. Надгнать очередной состав можно после полного расформирования предыдущего.

— Так. Понятно. А новая система сигнализации для чего? Стало вам... — И жирный красный карандаш пишет в графе «Восточная горка»: «плохо».

— «Востоки», почему задержали отправку состава? Поднимается дежурный по станции восточного управления.

Понимаете, Валерий Николаевич, дали мне паровоз, а его еще водой налить нужно. Пока он епил, пятнадцать минут прошло.

Диспетчерская — сердце железнодорожного узла. Сегодня здесь хозяин Слава Полосков.

Совещание на ходу.

Электровои готовы в путь.

— Понятно. Сталю «платок», так как состав вы отравили неполновесный. Остальным — «хорошо». Теперь вот что: последний раз предупреждаю — ни одного неполновесного состава. Ни одной задержки. Для того и реконструкцию делаем.

...Закончилась работа по электрификации на линии Ясиновата — Константиново. Количество прибывающих поездов намного увеличилось. Переработать все составы станция не смогла бы. Нужно срочно принимать меры. Меры — это реконстру-

ировать парк западного прибытия.

Проект предусматривал на реконструкцию парка пятьдесят дней, но чтобы переработать прибывающие поезда, нужно было реконструировать и горку — увеличить ее обрабатывающую способность.

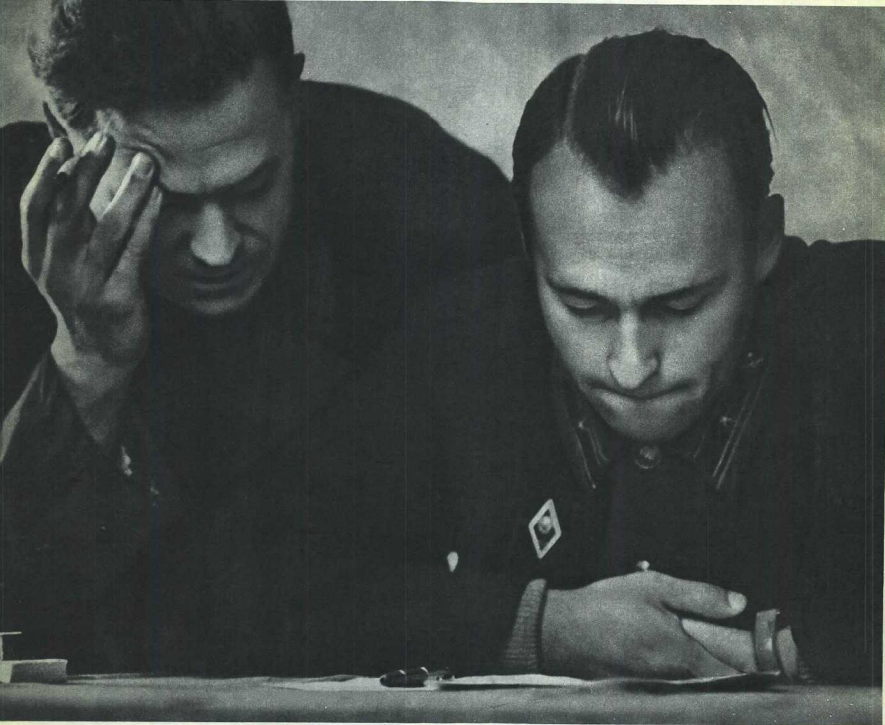
Уже третью ночь после работы собирались дома у Валерия. Думали, чертили — результат один: горы окурков, дым — столор вешай и гудайца от споров голова.

Сейчас инкто не вспомнит автора предложения. Может, это Валерий Бутко

и Петр Грабовенко, или Алексей Муратов, или Анатолий Шинковский. Словом, автор — коллектив. Предложение родилось на четвертые сутки. Было оно простым: сделать вторую линию надгига на горку.

— А как ревизоры посмотрят? — спросил кто-то.

ЯСИНОВАТА...

Сколько прибыло составов, сколько сформировано и отправлено — все это перед глазами Валерия Бутко и Петра Гривовенко, все в разноцветных стрелках, точках, квадратиках, линиях диспетчерского графика.

— Отработаем систему сигнализации. Значит, так, ребята, — сказал Валерий, — если работаем и день и ночь, то просим семь суток. Горка, как решили, будет действовать. Составы затаскиваем из парка формирования и оттуда распускаем. Сегодня собираем штаб по реконструкции и приглашаем ревизоров.

Ревизоры почти не спорили.

— Что-то не положе на них...

Валерий не ошибся. Уже вторые сутки шли работы. Пути были разобраны. Двадцать два стрелочных перевода наполовину сделаны. И вдруг... Валерий машинально перечитывал рас-

поряжение о запрещении работ по реконструкции. Согласившись в штабе, ревизоры категорически выступили «против» в управлении Донецкой железной дороги.

— Как же так, Валерий Никольевич! — Главный инженер расторопно смотрел на распоряжение.

— Вот что, Алексей Васильевич, распорядитесь, чтоб работы не прекращались, а мы — в управлении.

После двухчасовых споров, убежденный, доказательств возмущенный тишина. Управляющий Яков Николаевич Кривенко, склонив голову, молчал. Минуте. Два. Три. Пять...

Прищажает Ясиковатая. Прищажает точно по расписанию...

Формируется состав.

Валерий травяно переглядывался с Мураловым. «Неужели откажет?— думал Валерий.— Неужели?»

— Так вы предлагаете, чтоб я на свою ответственность аса взял?— спросил наковец Кривенко.— Ревизоры-то правы. Систему сигнализации отработать надо.

— Но мы пока не будем использовать второй путь,— сморщил Валерий.

— Это вы кому-нибудь еще рассказывайте. В первый же день экспериментировать будете. А не управитесь? Семь дней— не пятнадцать. Вы мне вот что скажите, дорогие: как же вы справляетесь с переработкой поездов сейчас?

— Соседи помогают,— вставил Валерий.

— Какие соседи?

— Когда мы не успеваем, часть поездов просим на соседней станции обработать. Будет им трудно, мы поможем.

— Ну, хорошо.— Кривенко улыбнулся.

— Заместитель управляющего прибыл на Ясиноватую ни свет ни заря. Остановился у «молнии», рассказывающей о передовой бригаде. Прямо над ним загрело радио: «За последний час лучшие показатели у бригады...» Радио говорило так громко, что Круглов не понял, чья бригада сейчас лучше.

За мигнуту до отправления. →

— Часто вы объявляете?— спросил он у подошедшего Валерия.

— Через час, а то и полчаса.

— Тут, я вижу, к концу идет?

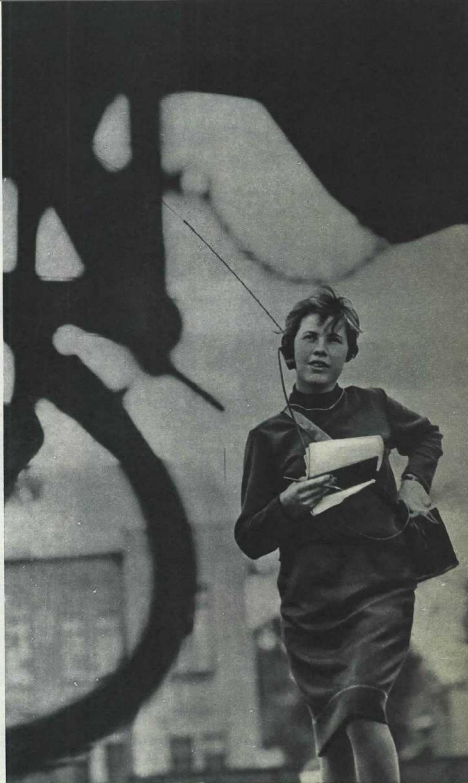
— Ночью думаем кончить.

— Вы же семь суток просили!

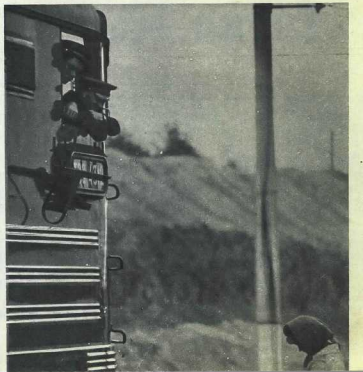
— Что ж, сделаем за пять,— улыбнулся Валерий.

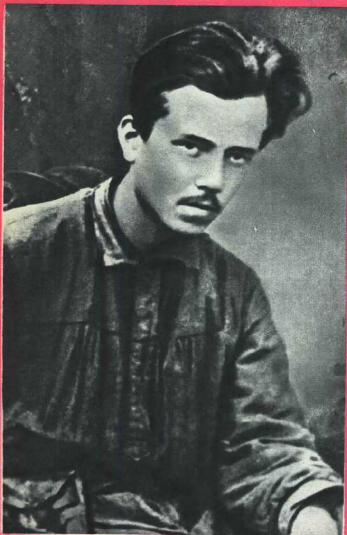
— Теперь на горке обрабатывают на две— две с половиной тысячи вагонов больше, чем раньше.

— Поезда идут и идут. Пассажирские, скорые, но больше— товарные. Принимает Ясиноватая. Принимает точно по графику...

Осмотрщица Зина Толмачева по радию передает на центральный пункт характеристику каждого вагона.

Н. Островский — боец ЧОНа. Снимок 1923 года

С тех пор эту книгу в ярко-розовой обложке с бронзовым тиснением никто не читал. Почти тридцать лет. Она стоит на полке между томиком стихотворений Николая Тихонова и «Илиадой» Гомера в личной библиотеке Николая Островского. Автор ее — комсомольский поэт Борис Корнилов. Поэбор книг в этой сравнительно небольшой библиотеке Островского не случался: это были самые нужные писателю произведения и потому его самые любимые, собранные здесь по его просьбе.

Николай Островский сам гравировал в отрядах ЧОНа, и, конечно, ему были дороги, близки и понятны стихи его современника.

Утренняя изморозь — плохая погода, через день голоду, в опорных минах, снова дует ветер двадцатого года — батальоны ЧОНа стоят под руинами. А в лесу берлоги, мохнатые ели, чертвы боты,

на дыре дыра, и лисью до смерти бандита наделили, потому бандита поимать пара.

Осенние поляны, все зарею вышиты, Чононский разведчик, Выполз, глядит...

В Е Ч Н О

о мере того, как я продолжала «идать» свои поиски, находя все новые материалы о жизни и творчестве Бориса Корнилова, мне удалось узнать и об интересных встречах Бориса Корнилова с Николаем Островским. Некоторыми записями, сделанными мной в путевом блокноте, и теми, что сообщала и своих письмах А. Басова, и бы и хотел поделиться. Борис Корнилов и Николай Островский начали свой творческий путь почти в одно время. В 1923 году Н. Островский написал повесть о котлах и начал работать над первой книгой романа «Как закалялась сталь», а Б. Корнилов выступил к тому времени для «Сборника стихотворений: «Все мои приятели» и «Молодость» — книги, отмеченные самобытным талантом, богатством чувства.

В 1934 году в январском номере журнала «Молодая гвардия» вместе со второй книгой романа Н. Островского была напечатана и известная поэма Б. Корнилова «Триполье», в которой поэт раскрыл мужество подвига трипольских комсомольцев.

В одном из своих писем А. Басова вспоминает о встречах с Н. Островским. Тогда он жил в маленьком болоте домище, утопленном в землю, на Ореховой усадьбе.

«У Николая Островского мы были два раза. Мы отдыхали в Доме творчества Азгифора в Хосте, а оттуда перебрались в Сочи, где жил тогда Островский. Жил он в старом доме; новый еще строился. Когда мы с Борисом Петровичем пришли, он лежал в саду, в тени; около него сидела мать. Островский легко и бодро, что очень удивило нас, завел разговор о том, что на бюро

СМЕНА 1924

СМЕНА 1964

Так выглядели поселения чучей тридцать лет назад.

браздастые, дымящие вражки, освещенные тусклым пламенем юрника,— таков облик сравнительно недавней Чукотки. А теперь последние вражки — почетный экспонат краеведческого музея. Приники и рудники, зверобойные комбинаты и заводы, стройные ряды новых домов на колхозных усадьбах — вот что такое новая Чукотка. И вместе с новосельем новый быт входит в жизнь чукотского села.

Двадцатье годы... Будущий писатель Николай Островский сражается в Березовском конюшном отряде на Украине, а в керченских лесах, под Нижним Новгородом, будущий полк Борис Корнилов ловит бойцов, побывавших в колхозном лагере. Это судьба поколения — поколения первых комсомольцев молодой Страны Советов.

Борису Корнилову и Николаю Островскому суждено было встретиться, но об их встрече мы узнали лишь теперь. Имя хоронимо комсомольского поэта сейчас вновь стало звучать: Б. Корнилов погиб в 1938 году, в период кулацкого шовинизма.

Его земляк — молодой журналист из Горького Леонид Безруков собрал интересный материал о жизни и творчестве Бориса Корнилова. Леонид Безруков — давний полк Борис Корнилов ловит бойцов, побывавших в колхозном лагере. Но все свободное время отдавал литературе. Леонид собрал в своей библиотеке редкие книги. Горьковские писатели и журналисты помогли Л. Безрукову выйти на новый жизненный путь. Леонид часто ездил по области. Им прочитано более десятка лекций советскими писателями. Но самая большая интерес всегда вызвала его рассказ о Борисе Корнилове. Да-

го, кропотливо собирал Леонид материал для лекции, для своей будущей книги о поэте-земляке.

Находясь в Москве, он зашел в Дом-музей Н. Островского и, вспоминая письма Л. Басовой, жены Б. Корнилова, заинтересовался, нет ли здесь каких-нибудь материалов о встрече Бориса Корнилова с Николаем Островским. Он нашла томик стихотворений «Новое» Б. Корнилова — ярко-розовую книжку с брызгами туши. Потом позвонил Раисе Порфирьевне Островской.

— Как жаль! — раздался ее обрадованный голос. — Конечно, помню. Это то самый Боря Корнилов, который приехал к нам в Сочи на Ореховую... Обязательно заходите.

Мы публикуем отрывок из книги Л. Безрукова, рассказывающий о встрече двух комсомольских писателей.

В Б О Р Ь Е

горьком ставит вопрос: делать ему операцию или нет? Обяснил мне также весь тяжелый смысл операции.

Врачи категорически запретили работать, даже читать. И это в момент наивысшего творческого подъема! Представьте мою ярость. Я спешу жить, поймите это, и как хороша была операция, спешу доскакать к финишу скорее, чем из меня выйдет дух... каждая минута дорога. Приложите руку к моему сердцу, оно бьется 120 ударов в минуту. До чего у нас стало хорошо жить на свете!

Николай Алексеевич просто и подробно рассказал о своих творческих пылках, а потом рассказал о нашей жизни, о том, как устроились мы, над чем Борис Петрович работает (Корнилов начал тогда поэму «Люся» и заканчивая тогда

стихов «Краснополяское шоссе»), спросил также Бориса Петровича прочитать ему свои стихи. Очень ему понравился «Качка на Каспийском море» и отрывки из поэмы «Триполье». Естественным читал тогда Корнилов о том, как героически умирал комсомолец в неравной и тяжелой схватке с врагом:

Восемнадцатилетние парни
могли им битись, пада наземь,
вспышка в лице?
Коммунисты не думают о могиле
как о все завершающей
страшном конце.

Момент, как понесут
с фанерами и лопатах,
завидует земле,
покойной приму,
Славно ведь закончено,
в десять минут,
но не с ними,
а только с могильной горбатой.
Коммунисты живут,
чтобы с боем,

с банном
черноземом,
болотами,
банкой,
банкой,
будем
увидеть революцию дальние свои,
на фанерах,
на салах, обшитых сафьяном,
погибав по ним победы в бою.

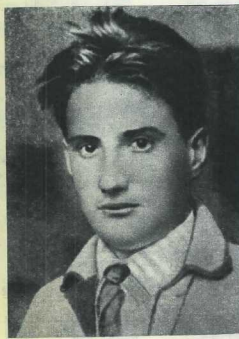
И вполне понятно, что Островского не могли не волновать строки стихов Корнилова о бурной, трудовой жизни и борьбе молодежи тех лет. Ведь такой же была, в сущности, и жизнь самого Островского: вечно в труд и борьбе, непокойная, напряженная.

Летом 1935 года роман «Как закалялась сталь» был выпущен уже третьим изданием, и вновь несомненным потоком пошла писателям. Все, кто приезжал в Сочи, шел к Н. Островскому: комсомольцы и бойцы гражданской войны,

ударники и научные работники, пионеры и колхозники. В числе этих посетителей были В. Чкалов, А. Бугаев, В. Костылев.

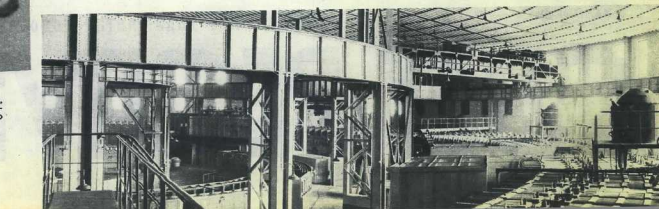
«Он расстрога нас», — вспоминает Л. Басова, — когда мы пришли прощаться, спросив, не надо ли нам помочь, что мы, твердое, здорово поддерживались на курорте. Борис Петрович долго вспоминал, как это он, давно прикованный болезнью к постели, мог подумать о таких вещах, как деньги и т. д. При прощании Н. Островский подарил Б. Корнилову «Как закалялась сталь», пожелал творческих успехов.

Н. Островский и Б. Корнилов были в то время на широком творческом пути. Оба горичи, смеяли в своей мечте, неустремленные, готовы к любому испытанию и борьбе.

Игорь Курчатов, старый комсомолец, бригадир бригады пензенских комсомольцев, бомбардировавший атомное ядро в Институте акад. А. Ф. Иоффе.

Не правда ли, любопытно подвиг под фотографией человека, имя которого известно теперь всему миру! Сынком И. В. Курчатова был опубликован «Смелой» в 1924 году, когда совсем еще юная советская наука держала высоко на чужбину атомного ядра. И вот спустя совсем лет сделаны другие снимки в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне и в Институте атомной энергии имени академика И. В. Курчатова. Молодая фамилия Рудин Собольев и Юрий Евбербердов уверенно принимают и несут эстафету старшего поколения отечественной науки, науки, работающей во имя мира и счастья на земле.

С КНИГОЙ В РУКАХ

С самолета дерево камбоя камется кусочком солнца, подаренным земле. Оно цветет яркими, красно-оранжевыми цветами. Целая шапка цветов. Под таким деревом в 1961 году был убит студент Мануэль Аскульес Домингес. Его убили контрреволюционеры. Убили только за то, что он хотел научить читать и писать тех, кто не знал грамоты.

Годом образования назвал Фидель Кастро 1961 год. Тысячи студентов, школьников ушли в горы, в отдаленные села, нес с собой луч света, слова правды людям свободной Кубы. Это был тоже бой, бой с книгой в руках. Приказ вождя был выполнен. Но битва не бывает без жертв. Некоторых не вернулись домой. Не вернулся и Мануэль Домингес. И если вы увидите оранжевый отворот на рукаве форменного костюма кубинского студента,— вспомните Мануэля: это память о нем.

Н А П Е Р Е М Е Н Е

В школьном городке южной национальной горы Кубы Кавиньо Сванфуэгос учится около двух тысяч детей.

Мы приехали туда утром. Было тихо. Шли уроки.

Вокруг большого двухэтажного здания, где помещаются столовая и спальни, расположены небольшие уютные домики. В каждом таком домике два класса.

Через стены-жалюзик доносились знакомые звуки урока: вопрос учителя, ответ ученика, шелест тетрадей, шуршание мела, приглушенный шепот.

Я ждал звонка на перемену. Но вместо него по радио раздалась бодрая музыка марша.

— Перемена,— сказал нам переводчик.

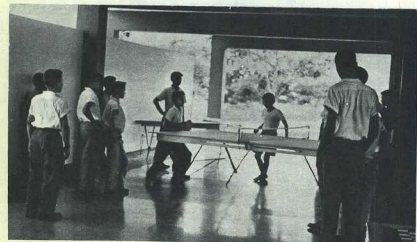
Я приготовился...

Из классов высыпали ребята и тут же построились в шеренги.

Старосты классов дали команду «мирно», потом — «воинно», и ребята разошлись.

«Ну,— думал я,— сейчас начнется...»

Нет, я не угадал! На перемене продолжался как бы тот же урок, только урок отдыха. Ребята играли в пинг-понг, шахматы, читали письма родных и друзей. Кто-то углубился в недочитанную книгу. Не было того безалаберного крика и шума, бесцельной беготни, после которых так трудно снова сосредоточиться. Дисциплина! Нет, не только. Ребята берегли драгоценное время. Даже во время отдыха. Сейчас на Кубе каждый учится. Учится азартно, упорно, настойчиво. Ведь это нужно родине!

В. КАЛМЫКОВ

1 января 1964 года—пятая годовщина победы народной

СВЕТ РЕСПУБЛИКИ

КОМСОМОЛЬСКОЕ СОБРАНИЕ

— Хотите посмотреть, как проходит комсомольское собрание? — спросила меня Галина Храбровицкая, преподавательница русского языка в гавайской школе имени М. Горького.

— Да, но что я пойму! Ведь я не владело испанским языком! — Зато они уже неплохо говорят по-русски, — с нескрываемой гордостью за своих питомцев сказала Галина.

До начала собрания оставалось минут сорок. В небольшом зале, украшенном цветами и бумажными гирляндами, уже сидели девочки.

Мелко позавоисились с ними. Галина сказала, чтобы они говорили с гостем по-русски, так как переводчица нет, а ей нужно на несколько минут выйти. Я понял ее намер.

Почему разговор не клеился. Стеснялись. Но все решило песня. Я попросил учениц что-нибудь спеть, и они, немного пошептавшись, запели:

Темная ночь, только луна светит
И звезды по звездам по звездам...

Только ветер гудит в проводах...
Я слушал заворожено, даже не подпевал. Потом мне дали топсую

тетрадь с напечатанным на машинке русским текстом: отрывки из рассказов Горького, Чаховя, Николая Островского — и сказали:

— Читайте!
Я стал медленно и отчетливо читать вслух рассказы Горького «Изменились».

В тексте над каждым словом карандашом были помечены ударения.

Ребята слушали тихо. Когда я кончил читать, кто-то вздохнул...

— Как вы хорошо говорите по-русски!
Так мы и разговорились.

...Началось собрание. В комсомол, или, как говорят на Кубе, в ряды молодых коммунистов, принимали трех девушек.

Это очень почетное звание — молодой коммунист. Чтобы его заслужить, юный кубинец должен:

1. Любить учиться.
2. Помогать товарищам.
3. Хорошо работать.

Девушек приняли. Друзья тепло поздравили их. Потом начался самодеятельный концерт. Пели хором любимые песни, читали стихи...

У Л Ы Б К А

Это Хорхе.
Он толкал перед собой тачку, полную спелых банановых гроздьев, и очень спешил.

Улица была длинная, прямая, вся залитая солнцем.

Пробегая мимо нас, он весело крикнул:

— Пускай они полакомятся!
— Куда это они? — поинтересовался я.

— К отцу и его товарищам.

Я видел, как он вкатил тачку в открытые ворота керамической фабрики. Раньше здесь был пустырь с дачками. Теперь вырос новый рабочий городок имени В. И. Ленина.

Новые люди, новые улицы, новый город! Все новое!

Через пять минут Хорхе уже возвращался. Я узнал, что это он, еще не увидев его: где-то вдалеке звенела песня, знакомая нам по Москве, — «Марш 26 июля». Песня приближалась, и мы все невольно улыбались.

В тачке лежала громадная ветка бананов.

— Это советским друзьям от отца, его товарищей и от меня, — протаргавая нам двумя руками тяжелую гроздь, сказал Хорхе и улыбнулся.

П А М Я Т Н И К

Пляж-Хирон — священное место для кубинцев. Три года назад здесь были разгромлены банды контрреволюционеров.

По дороге я пытался представить себе памятник, который народ воздвиг на месте этой исторической битвы. Каков он?

Машины остановились. Новенькие одноэтажные домики на берегу. Навстречу нам по дороге, чьи-то отбавив шаг, шли колонны ребят двенадцати-пятнадцати лет.

— Это ученики Технической рыболовецкой школы имени победы на Пляж-Хирон, — объяснили нам.

Школа! Так вот он какой, этот памятник!

кубинской революции

КИ

3:4

Герард ЕЛЕНСКИЙ,
судья всесоюзной категории

ВИДИМЫЕ И НЕВИДИМЫЕ РЕЗЕРВЫ

Почему ошибаются орაკулы

На мировых чемпионатах бывает много сюрпризов. Вспомните недавние сенсации на «Белой олимпиаде» в Сиео-Эзели и страно немедленных результатов борьбы за первенство на VIII Олимпийских играх в Риме. Крах с прогнозами тогда потерпели не только дилитанты-болельщики. Не отирались предсказание и маститые специалисты.

Чемпионами часто становятся не общепризнанные фавориты, а спортсмены, которых никто не ожидает увидеть в числе призеров. Случайны ли эти просчеты спортивных ораაკулов? Основная шашка претвратителей, мы обычно судим о возможном исходе предстоящего поединка по результатам предыдущих состязаний. Но в этих расчетах не находим своего отторжения также важнейшие факторы спортивной борьбы, как нервы, сила воли, а главное, потенциальные возможности. Все это не поддается никакому измерению, а следовательно, и сравнению. Поэтому, решая сложные задачи, со-

многими неизвестными, составителям прогнозов вынуждены условно принимать ряд неизвестных величин за равные.

Вспышка эмоций и порыв архаичными способами породить физические силы титанических размеров, позволяющие спортсмену порой добиться того, что казалось невозможным. Это, например, малое число ярико провешение на последних чемпионате мира по хоккею с шайбой в Стокгольме. После семилетнего сыпания по Швеции, Канаде и США перекорший приз чемпионата мира вновь вернулшарь» удерживать эти титулы в Инсбруке? Результаты последних матчей сборной СССР с канадцами Канада, США и Швеция дают некоторые представления о соотношении сил. Но не следует забывать, что эти встречи были товарищескими. Когда же соперники срисрут свои кляузы на олимпийском катке, много может перевернуться. Во всяком случае, можно не сомневаться, что наша команда вербудут металла, инкто точно не знает. Очень хочется, чтобы они были золотыми.

Ошибки в сводках погоды давно уже являются злободневной темой юмористов. И все же, раскрывая газету или слушаю радио, мы спешим узнать, что день зрящийся нам готовит... То же самое и в спорте. Пожалуй, в спортивном прогнозе ошибаться легче, чем в синоптике, тем не менее болельщики всех эсортатов счеку внимательно следят за оценками и предсказаниями спортивных специалистов.

С этого номера «Смена» открывает собственное «Бюро спортивных прогнозов». В нем будут сотрудничать спортивные обозреватели и специалисты. Мы надеемся, что в дальнейшем с прогнозами выступят в «Смене» и сами читатели.

А сейчас слово предоставляется нашему спортивному обозревателю судьбе всесоюзной категории Г. Еленскому. Его статья посвящена открывающемуся в конце января в австрийском городе Инсбруке IX зимним Олимпийским играм.

Пути к победе

Никогда еще коммюбейный мир не переживал столь сильных потрясений, как в нынешнем сезоне. Ведущие страны Норвегии и Швеции сразу сбросили со своих высших достижений в беге на 5 тысяч метров по 23—25 секунд, а на 10 тысяч метров — минуту с лишним! Это было неслучайно и отразило всякое предчувствие о пределах человеческой возможности.

История спорта знает немало подобных precedентов. Только инкто слачили в ренессансе обьяснились не подвигами спортсменов, а усовершенствованным конструкцией инвентаря либо искусственно созданными условиями. Не эти ли обьясняли фантастические рекорды станаднатов? Нет. Лод на катке Марудуаза обьявляло тьла под лучами горного солнца, однако малая доля доронца не помешала чемпиону мира 20-летней шведу Йонни Инсбруку установить сразу три мировых рекорда: 5 тысяч метров — 7 минут 34,3 секунды, 10 тысяч метров —

15 минут 33 секунды и в сумме ингогорра — 178,44 секунды!

Путь удающихся вест такне с выдающимися оциателями зания рекордов, а недавние чемпионы на рекордсмены мира — советские спортсмены — астались на 11-м, 13-м и 14-м местах.

Чем не обусловлены гигантский прирост вперед наших соперников? Видно, норвежским и шведским тренерам надело из года в год подвизаться с победанми советских коллег, и они неслишком ленили к тому, чтобы вернуться к истокам первенства без вреда для здоровья значительно повысить интенсивность тренировок и заново увеличить обьем физической подготовки. Остаеся надеяться, что горечь поражения ингому наука советских спороховодов и реванш не за горами.

Сейчас, накануне IX зимних Олимпийских игр в Инсбруке, обьеднаеде лядше Егитный Грошан, чемпион двух предыдущих олимпиад, Нескороги на свои 32 года, он остаеся и поныне сильнейшим в беге на 500 метров. Вспомним его пролагодный ре-

есь Инсбрук живет сейчас мыслью о предстоящих соревнованиях крупнейшим событием инвешней спортивной зимы. Пляска и фотографии с эмблемой Олимпийских игр закупаются в местных магазинах, ресторанах и кафе. Они развешены на улицах и площадях столицы австрийской провинции Тироля. Город буквально начинен всевозможными указателями на различных языках, ну один гость, откуда бы он ни приехал, не заблудится во время Олимпиады. Ведь только коммюбейщики, футуристы и коммюбейщики состязаются в самом Инсбруке — на искусствен-

ном катке «Тиволи». Лыжные гонки состоятся в 23 километрах от города, в местечке Зефельд. А торжественные померяются олимпиа и Лидиче горном олимпийском центре, специально построенном для проведения Олимпиады. Людям отстоит от города на 10 километров, но отдаленное шоссе позволяет подняться на автомобиле на высоту свыше 1 600 метров за 15—20 минут. Большой олимпиа 60 000 зрителей, размещенных на новых трибунах, будет зажечь олимпийский огонь.

Один из самых крупных обьектов — олимпийская деревня. Среди кузурнанных и наркотельных плавил устремилась и шею в олимпийских обьектов. В каньоне олимпиа — 250 комнат, рассчитанных на двух спортсменов. Но организаторы соревнований резервировали для участников только 4 здания (одно из них специально для женщин). А в остальных будут жить руководители делегаций, тренеры, судьи и технический персонал.

В олимпийской деревне построены рестораны, несколько магазинов и отделений по обслуживанию спортсменов. Есть современный прачечный

мира — 39,5 секунды. У нас есть еще три спринтера извращения, но им вправо рассчитывали на первом Чемпионате мира на 1500 метров, по-видимому, ставит в итоге и золотых медалей на 3 и 10 тысяч метров наместо предшествующей гонимой Полины Яковлевой, но будем забывать о «чуждесах», занебрегая некоторых наших спортсменов.

Нало видных шансов на успех у наших лыжников-мужчин. Золотые медали, выигранные на чемпионате мира 1954 года и на Олимпиаде 1956 года, они постепенно «развели» на серебро, затем и на бронзу, а в 1962 году, оказавшись на 5-м месте. Причины этого спада подробно разбирались в статье «Их уступать лыжне» (см. «Смена» № 23, 1952). Сейчас в большую группу входят и чемпионы в прошлом, перешедшие чуть-чуть вперед шведы. На пятый им несутся норвежцы, а за эту группу извечных соперников врезалось несколько итальянцев. Они пока не способны принять активное участие в распределении олимпийских наград. Для ускорения высоторных районов Италии весьма привычными будут итальянские трассы, проложенные в горных окрестностях Зефельда, — немаловажный фактор примерно к равному классу соперников. Во всяком случае, в прошлых годах итальянцы составляли на этих трассах 26-летний Марчелло де Дорнго был первым в гонимом на 18 километров и вторым на 30 километров. Вызывает удивление феноменальная форма Бориса Заварова, состоящего пока и всего 60 сразу же после гонимой

Гермольный спорт — наша ахиллесова пята. Самое лучшее, чего смогли добиться советские лыжники за последние годы, — это шестнадцатое место в мировой классификации. У лыжников, если не считать единственной бронзовой медали Евгения Сидорова на Олимпиаде 1956 года, высший уровень определяется 7—12-м местами. Тем не менее советские горнолыжники не отказываются от борьбы, они вновь и вновь пытаются пробиться сквозь плотные ряды зарубежных фаворитов. Известные в последние годы в Италии, Австрии, — будут иметь в Инсбруке больше шансов преуспеть. Ведь не знакомый метод головокружительных спусков. И все-таки надеяться придется уступать часть олимпийских трофеев кому-нибудь из

французов, швейцарцев или немцев. Не исключены сюрпризы со стороны американцев и японцев. Не исключены наших горнолыжников, то им надо будет выигрывать только... на милость Фортуны.

Прогресс наших прыгунов с трамплина и двоеборцев (прыжки с трамплина) весьма удивительного сомнений. Все идет к тому, что скоро и в этих классических дисциплинах прыгун у нас должны появиться чемпионы мира. Об этом свидетельствует неуклонный рост наших достижений на трех первенствах мира и двух олимпиадах. Впервые лучшим прыгун мог занять лишь 22-е место, а затем мы преодолели на 15, 9, 4-е, и затем северным прыжком чемпионом мира стал советский прыгун Николай Иваницкий, восьмидесятилетний, на столько или малом олимпийском трамплине, сколько и наместо в олимпийских реколтах. То же самое произошло и с нашими двоеборцами — третьим, на чемпионате мира 1956 года — прыжком, а в занятии лыжного двоеборья Дмитрий Коркин вышел на второе место, будучи, что двоеборцы вернутся не с пустыми руками.

Приспите букеты!

Семнадцать лет царствуют на «ледном престоле» советские чемпионы. С чемпионов мира они не спускаются, а чемпионы Европы всех медалей.

За минувшие четырелетия советские чемпионы обновили все таблицы мировых рекордов. И достигли успехов на всемирном чемпионате мира в Карлсруэ, где заняли первые пять мест. Лидер — Людмила Скоблинова стала подлинной королевой прыжков покаяны наметки, чего не добивалась еще ни одна из предшественниц.

Вторая звезда олимпийца Скоблиновой, трехкратная чемпионка мира москвичка Инна Бонина, не делала лишь недавно приступила к тренировкам в Австрии. В тренировочных прыжках заняла реванш. Но конкурентная не следует забавляться и с другими советскими, так и зарубежными. Ведь произошла же авария в Карлсруэ, где неожиданно для всех чемпионкой в

финале, что вселяет оптимизм по поводу выступления и на IX «Большой олимпиаде».

Людмила Белюслова и Олег Протопопов — одна из сильнейших в мире пар фигуристов. Их произвольный танец под мелодию «Грезы любви» Листа в исполнении высшего спортивного мастерства, но и высший класс балетного искусства на льду. Безупречно исполненные фигуры высшего пириетана в сочетании с пластичной, чарующей манерой исполнения превращают собой незабываемые зрелища. И если на катке Инсбрука советские фигуристы выступят точно так же, как в Москве, то непременно завоевуют олимпийские медали.

Чемпионатах мира Людмила и Олег завоевали 19, 9, 8, 2-е и снова 2-е места. Логическим завершением такого прогресса должна стать олимпийская золотая медаль, забавная спортивная доблесть. Обнадеживает и вторая ленинградская пара: восемнадцатилетняя Татьяна Кук и двадцатипятилетняя Людмила Гаврилова. На прошлых годах чемпионы Европы и мира эти двоеборцы завоевали сразу две бронзовые медали! При таком «разном» старте юные спортсмены сплугут в Инсбруке добротой и до вершины мировой славы.

Мы не принимаем участия в бобсле и скоростном спуске на санях, что составляет 5 из 34 номеров программы IX зимних Олимпийских игр. В девять в числе аутсайдеров. И тем не менее в итоге двенадцатидневной спортивной борьбы в Инсбруке и его окрестности советские спортсмены займут значительное большее число призовых мест (с первого по шестое), чем спортсмены любой из стран — участниц всемирного спортивного форума.

И в неофициальном подсчете результатов олимпийского первенства (за 1-е место — 7 очков, за 2-е — 5, за 3-е — 4, за 4-е — 3, за 5-е — 2, за 6-е — 1 очко) советская команда сможет занять первое место, набрав при этом около 150 очков. Наиболее вероятные претенденты на второе и третье места — команды Норвегии и Австрии. Но не будем при этом забывать о прекрасных сансках, тем что запланированная для советской команды сумка может быть превращена оном на 15—20. Остается посоветовать нашим болельщикам подготовиться к чемпионату (будем надеяться, что

Монем мы рассчитывали и на победу в биатлоне (лыжные гонимы на 20 километров отступили от выигранной). Команда СССР четвирью победителя на всемирном первенстве по этому виду спорта, а армеец Владимир Мещеряков в третий раз выиграл титул чемпиона.

В 1962 и 1963 годах советские биатлонисты сделали «золотую дублю» (победа в личной и командной по-

вестке), что вселяет оптимизм по поводу выступления и на IX «Большой олимпиаде».

Мы не принимаем участия в бобсле и скоростном спуске на санях, что составляет 5 из 34 номеров программы IX зимних Олимпийских игр. В девять в числе аутсайдеров. И тем не менее в итоге двенадцатидневной спортивной борьбы в Инсбруке и его окрестности советские спортсмены займут значительное большее число призовых мест (с первого по шестое), чем спортсмены любой из стран — участниц всемирного спортивного форума. И в неофициальном подсчете результатов олимпийского первенства (за 1-е место — 7 очков, за 2-е — 5, за 3-е — 4, за 4-е — 3, за 5-е — 2, за 6-е — 1 очко) советская команда сможет занять первое место, набрав при этом около 150 очков. Наиболее вероятные претенденты на второе и третье места — команды Норвегии и Австрии. Но не будем при этом забывать о прекрасных сансках, тем что запланированная для советской команды сумка может быть превращена оном на 15—20. Остается посоветовать нашим болельщикам подготовиться к чемпионату (будем надеяться, что

Монем мы рассчитывали и на победу в биатлоне (лыжные гонимы на 20 километров отступили от выигранной). Команда СССР четвирью победителя на всемирном первенстве по этому виду спорта, а армеец Владимир Мещеряков в третий раз выиграл титул чемпиона.

В 1962 и 1963 годах советские биатлонисты сделали «золотую дублю» (победа в личной и командной по-

комбинат, книжный магазин и магазин, санитарная станция, почта, несколько парикмахерских, табачная, аптека, автобусные станции. В каждом новом здании находится кухня, расчистленные на спешащих носки участников игр. В своем Инсбруке более ста гостиниц и пансионатов, вмещающих в общей сложности около 6000 гостей. Но это лишь капля в море. Правда, можно рассчитывать на гостеприимство жителей, но еще не решает проблемы для размещения гостей мобилизованные гостиницы и пансионаты в радиусе до 100 километров.

ПЛАЙСЕН
2334
М

Видеоролл попутник

Панорама озера
района в окрестностях
Инсбрука, где будет
проводиться чемпионат
мира Олимпиады по
слалому и скоростному
спуску.

В спортивном центре
«Гавель» (снимок
справа) выступят
конькобежцы, хоккеисты и фигуристы.

Австрийцы очень гордятся своими новыми сооружениями: трамплином Бергтель, лыжным стадионом, вмещающим более 10 000 зрителей, олимпийским фризом в окрестностях Линца. Но наибольший интерес вызывает электронная счетная машина.

В 1956 году на Олимпиаде в Кортине А'Амичео подается окончательные результаты в фигурном катании. Но австрийцы не успели подготовить электронную вычислительную машину. Вместо 7 часов она выдала результаты через 15 минут. Но австрийцы не сдались. Они разработали машину, на которую в Салце удалось установить 12 аппаратов. Это в 480 раз быстрее, чем в Кортине А'Амичео! «Электронный мозг» может в течение 10 секунд считать 100 тысяч значений, в то время как человек — за 10 дней. Простые решения машина будет выдавать за секунду. Судя по опыту, эта цифра значительно возрастет: 800 человек со значком «Пресса» будут сообщать о ходе борьбы по все статьи мира.

Австрийское телевидение будет вести репортажи с Олимпиады для стран Барского полуострова. Но австрийцы не имеют прямого отношения к телевидению. Они предпочитают смотреть с экрана на лыжах с переносными камерами в руках. Всего на чемпионате будет установлено 100 камер, вооруженных 62 камерами. 29 января на наших телевизионных экранах появится олимпийская пара из пяти паркетчиков, выходящих и раздающих звуки фанфар, возвещающие об открытии IX зимних Олимпийских игр.

Организаторы Олимпиады принимают много усилий, чтобы сделать ее максимально подготовленной к приему, передаче и охране участников и зрителей. И именно и охране, так как Альпы — это Альпы, и без горноспасательной службы тут не обойтись.

Навигационный спортивный врач Бруно Хайнд недавно объяснил, что уже полностью готова олимпийская катина на 52 места, а в Лигуце стоит магистраль на 12 специальных саней для санитарных саней.

«Белая олимпиада» привлекает внимание всего мира. И это естественно, и многократно усиливается прессой. Первоначально он был призван 400 спортивных журналистов. Но сейчас их количество возросло до 800 человек со значком «Пресса» будут сообщать о ходе борьбы по все статьи мира.

Австрийское телевидение будет вести репортажи с Олимпиады для стран Барского полуострова. Но австрийцы не имеют прямого отношения к телевидению. Они предпочитают смотреть с экрана на лыжах с переносными камерами в руках. Всего на чемпионате будет установлено 100 камер, вооруженных 62 камерами. 29 января на наших телевизионных экранах появится олимпийская пара из пяти паркетчиков, выходящих и раздающих звуки фанфар, возвещающие об открытии IX зимних Олимпийских игр.

А. ПОЛЕХИН

Z
Z
S
BRUCK

БОЙЦЫ РЕВ

Первый невольный вопрос:

— Сколько тебе лет?

— Уже семидеять, компаньеро. Широкая физиономия Хосе все в солнечных пятнышках. Оказываешь, и у смуглых кубинских ребят ведают вешушки (в январе-то!).

Хотя Хосе и сержант, никто не признает ему этого звания. Просто Хосе вполне справляется с обязанностями сержанта, и этого достаточно, чтобы его так называли. В кубинской армии немало таких командиров. Люди растут и учатся руководить, но революция торопит, и для официального присвоения званий еще просто не хватало времени. Впрочем, на погонах Хосе нет никаких знаков различия.

Командный пункт — брезентовая палатка со стойкой карбино, железными койками и двумя телефонными зуммерами. Один — прямая связь с генеральным штабом, другой — с расчетами орудий. Брезентовая палатка — временный КП. Настоящий, боевой находится глубоко под землей...

Сейчас на КП собралась чуть ли не вся батарея. Солдаты устроились на сиденья, присели на корточки. Совсем юные, мальчишеские физиономии. Только комиссар Эктор Эрнандес постарше. В прошлом крестьянин, он учил в школе детвору, как выращи-

вать различных злаки. В подразделении он да командир батареи рабочий Рамон Самора не воспитанными лагеря в Сьерра-Маэстре.

Высоко в горах Сьерра-Маэстры холодно ночи, обильны дожди, часты ураганы. Отсюда, с гор, вместе с героическими бродячками спустились в солнечные равнины Кубы революция. А несколько месяцев спустя в горы поднялся большой отряд оборванных мальчишек и десток людей эпохи-лих, лет по 20—25 — добровольцев из Ассоциации молодых социалистов — так тогда назывался кубинский комсомол. Спали в гамаках на деревьях. С утра — походы в горы, строевая подготовка, потом подготовка политическая. Мальчишки из рабочих и батрацких семей, чистышки сапог, уличные бродяжки впервые услышали правду о революции, о социализме, стали понимать, кто их друзья и кто враги. Шли месяцы. Мальчишки закалялись в трудных условиях, учились дружить и учились мечтать. И самой большой мечтой каждого стало вступить в революционную армию, охраняющую новую Кубу. За год комсомол воспитал из них хорошую подмогу бродячкам, новое поколение революция.

— Вот такие они, — говорит комиссар, — бывшие наши ребята, бывшие мальчишки с улицы, воспитанные ком-

сомолом и ставшие бойцами революции...

Разговор прерывает пронзительный вой сирены. Светуада, и на командном пункте остается только телефонист.

Десять секунд, и зенитки готовы к бою. Это не боевая тревога. Это — учение. Но армия в полной готовности. Ариана нечеху. Зенитчики уже знают: самое опасное время суток — на рассвете и на закате. В эти часы все расчеты у орудий. Промя жизнь начинает идти по строгому распорядку. Но расчет одного из орудий находится на своем посту без отбоя: днем и ночью, круглые сутки. Непрерывно несут вахту и бойцы на КП, на наблюдательных пунктах, у радра и других приборов.

Для всех же остальных наступают часы учебы. Учителя сами приходят в подразделение, проводят уроки.

— Задача — всем получить среднее образование, — говорит комиссар. — Командование договаривается с министерством образования, чтобы уплотнить программу. Ребята справятся: всем очень нравится учиться. — И кем они хотят стать, ваши ребята? Будут учиться дальше в институте?

Комиссар отрицательно качает головой.

— Нет. Революция в опасности. Эти ребята по собственному желанию

Севастополь, 1944 год.

Малахов курган. Корабельная сторона, Аккерманские высоты... Здесь стояла на смерть героические защитники Севастополя. Стояли измученные, но им было так важно, чтобы торжественно жить, чтобы поднялся из руин белокаменный красавец город-герой

Севастополь. И он поднялся, он стал трижды прекраснее по сравнению с тем, чем он был до войны, этот овеянный славой, легендарный город, символ неистощимости и непобедимости советского народа.

СМЕНА 1924

СМЕНА 1964

победы народной кубинской революции

ОЛЮЩИМ

стали бойцами, чтобы защищать страну. Когда республика и революции не будут угрожать, они станут учителями дельцов, станут инженерами и артистами. Но сейчас никто из нас об этом не думает.

Средний возраст зенитчиков батареи — 17—18 лет. Все они надели форму два года назад.

— Были маленькими и щуплыми, — говорит комиссар. — А теперь вот как выровнялись.

Но и сейчас есть в подразделении бойцы, которым едва минуло шестнадцать. Теодоро Пино — один из них. Он первый оператор радара. Высокий, большерукий и усоплевый красивый мальчишка с огромными черными глазами. Он для солидности хмурит брови, но в глазах детское любопытство. Теодоро родом из провинции Гавана, из поселения Сан-Анто-баграном на сахарной плантации латифундиста.

— Как ты овладел радаром, Пино? — Меня обучил начальник радара Луис Касорла.

Луис Касорла, как и подобает начальнику, строг. Суровый взгляд. Поднятые губы. Говорит четко.

— Пино — лучший ученик. Образцовый боец. У меня еще есть ученики.

Суровому начальнику 17 лет.

Перед обедом — свободное время. На вершине холма, тут же у орудий, начинаются спортивные схватки: волейбол, баскетбол, футбол.

В обед вместе со всем подразделением идем в столовую. Солдаты берут тарелки, похлебке на подносы, металлические, с нескоплыми отделениями. В каждом различная еда: густой бобовый суп со сладким картофелем, яичница, рис с моллюсками, кусок торты и кофе.

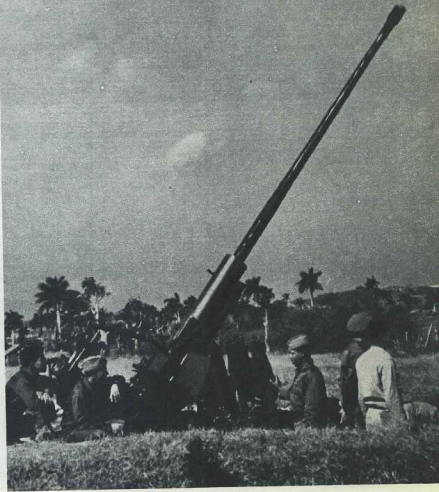
Уезжаем с батареи, когда январское, зимнее солнце с зенита пригвозждает все к выбитой футболистами траве. Дарим открытки с видами Миссы и знами. И бойцы, сразу став обычными мальчишками, с восторгом принимают подарки, пожимают нам руки, приносят свои ответные дары — любительские фотографии — и горделиво показывают снимки своих матерей и сестер.

— Счастливо, товарищи!

Следует, коммандерос советскости! На коммунистической тропе у пальмы часовой берет карабин «ка каруэл».

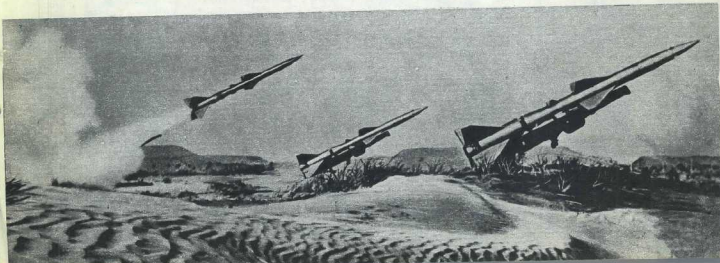
Опущены стволы орудий. Но одно иголь начелено в небо, и расчет на своих местах. И ни на мгновение не перестает слушать небо огромное ухо радара.

**В. ПОНИЗОВСКИЙ,
И. ХУЗЕИ**
Фото авторов.

Год 1944-й... Огненные залпы прославленных гвардейских частей выметали с земли советской последние остатки фашистской нечисти, были боевым салютом победам Советской Армии. И пусть победная канонада тех славных лет служит грозным предостережением всем, кто пытается говорить со

Страной Советов с позиций силы, кто рвется к новой войне. Мы мирные люди, но мы не забываем о необходимости крепить военную мощь Советской державы для того, чтобы в любой момент отстоять мирный труд советских людей, мир во всем мире.

С НАША МАЛЕНЬКИМ ВСТРЕЧЕ

КАЖДЫЙ ДЕНЬ — НОВАЯ КНИГА

молвцев в колумбийском строительстве посвящаем книги Анифа Динара «В открытом море», В. Зипеторова «Перестроен ветров», Ирины Левченко «Город в огне», В. Левашина «Послевоенная война. Впрочем, перечислить все заслуживающие внимания невозможно. Многие и сегодня графия эти книги — от Нефтяных Камней Каспия до городов Заполярья. Достаточно назвать некоторые романы Сергея Маркова «Фон» и санг, годивший день, наш раздуться и похит. Хочется отметить и книгу молодого прозаика В. Мансикова «Жизнь человека», сборник рассказов Е. Гуляевского «Высокий полет», повесть В. Петровского «Смесь», а также взрослый, цикл рассказов «Сорок четыре ночи» Г. Самойла.

В подборку любителей поэзии мы планируем включить, я говорю о «Библиотеке советской избранной лирики. Это 24 поэтических сборника. Авторы книг — известные поэты разных поколений: Ольга Берггольц, Константин Симонов, Роберт Рождественский, Феликс Кривин и другие. Есть у нас в плане и еще одна интересная рубрика — «Первая книга поэт». Авторы — известные по журналистам и газетным выступлениям молодые наши поэты. Например, Татьяна Кузнецова. Она пишет о Волге, в которой «волны тумане, как рабы», о военных годах, где «кто тропан выглады гремят ботинки речников», Майя Румянцева пишет, которые звучат бы весомо, значительно, социально. Ее привлекают люди цельнейшие дельца. Оттого так поэтически ее «аром» — «домаш, платоновы».

И, конечно, по-прежнему мы будем продолжать издание зарекомендовавшей себя серии «Жизнь замечательных людей». В этом году выйдут книги о Кьерке, Циолковском, Писареве, Хосе Марти, Хемингуэе и других политических деятелях, ученых, писателях мира.

Если в этом году вы будете читать только то, что издается одним нашим издательством, вам предстоит прочитать в день по книге. В редакционном плане 330 названий книг, которые выйдут в этом году — сказала нашему читателю в беседе с главным редактором издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» Валентина Осипов.

В чем на наш взгляд, состоит отличительная черта плана этого года!

— Пожалуй, в том, что, составляя план, мы стремились учесть самые разнообразные запросы и вкусы наших читателей, как в области, впрочем, и в том, что литературе, как и потреб, все возрасты покорны. Читателя «Смены», видимо, интересуют, как представляется в плане комсомольская тематика. Думаю, мы сможем предложить много интересного. У нас, как говорят в таких случаях, есть все: от «Спутника комсомольского активиста до арки художественных очерков и повестей. Условно комсомо-

ПОДВИЖНОМ УЧЕБНОМ ЦЕНТРЕ

ШОЛОХОВ

Свои первые произведения, объединенные в том в цикл «Донские рассказы», Михаил Александрович Шолохов опубликовал на страницах комсомольской печати: в газете «Молодой ленинец», в «Журнале крестьянской молодежи», в журнале «Комсомолец».

Два рассказа Шолохова опубликованы в «Смене». Это «Колосатер» (1925 г., № 11) и «Черточица» (1926 г., № 10).

Вот что рассказывает о своей встрече с М. Шолоховым в редакции «Смены» один из сотрудников журнала, старший комсомольский писатель Н. Бободов:

«Молодой человек в военной шинелесте и стоял передо мной и переминался с ноги на ногу. На его лице было выражение, которое я никогда не встречал, ни радости по поводу удачи (приятель редакция рассказ «Черточица»).

— Мне бы авиан... говорит он. — Уезжаю на Дон.

«ФАУСТ» БЕР

Народная легенда о докторе Фаусте, средневековом чернокнижнике, извешен в первой половине XVI века, на протяжении четырех веков служила темой для многих писателей, художников, композиторов. В литературе народный эпос трансформировался в оперу от Кристофера Марлоу, английской драматурга XVI века, и продолжается после него (в русской литературе можно назвать «Сцену на «Фаусте» Пушкина, драму А. Луки «Черного Фауста и горды»). В абстрактном искусстве — в творчестве художников идет от Рембрандта, создавшего замечательную картину «Доктор Фауст», до Делакруа и Врубеля. В музыке

тему «Фауста» воплощали в симфонии Ф. Шуберт, в опере Г. Верди, в балете Л. Минкуса. Наиболее известна оперная опера Гунда, написанная в близком соответствии с фабулой первой части знаменитой трагедии Гете. Многие драматурги и композиторы написали драматические оперы Гунда. Впервые был первым Гольдони, а сейчас — Густав Штайнма, за разработку темы «Фауста» так похваливал название оперы Верди, легенду о Фаусте композитор

транскрипции, чем Гете утверждал в человеческой нечеловеческой побуде до создания манеры в прозаической романтической фантастике, но в опере, обреченной на исполнение, ни в коем случае не в опере, где погубил манеру. Вторым же Фауст и Маргарита

они священной, а каждую попытку было стоять до конца. Конечно, чтобы фильм мог нам, молодым, не пережить войны людям, глубоко осмыслить, почувствовать ивразный героизм наших отцов.

К нам подходит молодой офицер. На нем иванданная звезда гимнастерки. — Знакомьтесь! Наш главный герой, артист Савва Збруев.

Два года назад Збруев окончил театральное училище имени Щепкина. Мотивация — уже читая его роль, Сыманиса он в фильме «Мой мальчик и брат» (Директор «Журналист Костин», в имени Ленинского Театре комсомолом сыграл Державина, а сейчас Работников, над тира «До свидания, мальчик».

— Работать в этой съёмочной группе для меня — большая радость, — говорит он. — Вот только в это время. Прям как по 22—24 года. Сидеть в кресле, наблюдать, как и такие известные мастера своего дела снимают фильм (он играет роль Бабина).

О роли! Ну прежде всего, я просто влюблен в своего героя, переживаю по поводу его судьбы. Я очень люблю, что обогатил меня не только актерскими, но и жизненными опытом. А это очень важно. Откровенно говоря, порядком надоели так называемые современные мальчишки в цивильных костюмах, шаровых белых свитерах и сверкающих рубашечках дирижера.

Надеет эту гимнастерку и сапоги.

— Верно. — Это говорит Злин Сулякова. Год назад она окончила училище имени Щепкина. — Раньше он не считал себя «нефототренером».

Когда ее пригласили на роль Риты, она и сама не верила в успех. На первом кинопробу так растерялась от света, шума, мишениста она испугалась. К счастью, не приглашали на вторую пробу, и она прошла удачно.

Но Злин Фиты мне очень нравится. Сильно мне нравится и надеваю гимнастерку, я в нем. Помню, во время съёмки в Мадриде я была стеснительной. Во время съемки ходил в трусах, а я — в полном обаянии. Это была еще перемена манеры. Я была равно обаянием, гитара, музыка, мальчик Риты.

И правда, сморщив, с какой гордостью и достоинством несет работа свои обязанности, Гитин и замечательные, и понимаешь, как удивительно уважают они своих героев.

— Это же пригласили на роль Риты, она и сама не верила в успех. На первом кинопробу так растерялась от света, шума, мишениста она испугалась. К счастью, не приглашали на вторую пробу, и она прошла удачно.

Но Злин Фиты мне очень нравится. Сильно мне нравится и надеваю гимнастерку, я в нем. Помню, во время съёмки в Мадриде я была стеснительной. Во время съемки ходил в трусах, а я — в полном обаянии. Это была еще перемена манеры. Я была равно обаянием, гитара, музыка, мальчик Риты.

И правда, сморщив, с какой гордостью и достоинством несет работа свои обязанности, Гитин и замечательные, и понимаешь, как удивительно уважают они своих героев.

И правда, сморщив, с какой гордостью и достоинством несет работа свои обязанности, Гитин и замечательные, и понимаешь, как удивительно уважают они своих героев.

СНИМАЕТСЯ ФИЛЬМ «ПЯТЬ ЗЕМЛИ»

В сложной «географии» Москвы не так-то просто отыскать вай ландшафт. Здесь идут съемки фильма «Пять земель».

Иду, когда погаснет табачный дым. Нет солнца! Теперь не запугаются бы зловонные. Через лес (дорого сделана дорожка), снова алфавит торжественных команд, шум огромного помещения.

— Внимание!

— Начинается третий дубль.

— Стоп!

Готовятся к четвертому дублю. Пова режиссера и два голоса объясняют что-то артисту, я показываю все о нем.

Андрей Смирнову всего 22 года. Борис Ялина на це-

дьях 9 лет старше своего друга. К тому времени, когда Андрей уже только начал аттестат зрелости, Володя уже поступил в институт. Высшее мореходное училище, доложил на дубль. Во время съемки в институте. Их творческая дружба началась еще в институте. Следующий сольный рабочий в институте уже спектакль «Саломея» процесс (пысь американского драматурга Уайлдера. Здесь артистическая группа, как театральные режиссеры. Работают с таким успехом. Спектакль вышло они не только преподаватели

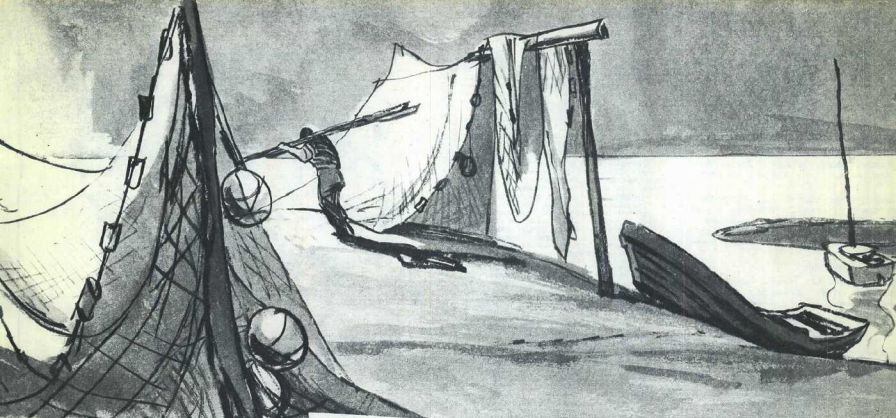
ли института, но и театральная критика.

В последние режиссеры пригласили на Московский предприниматель сценарий Г. Вайльда. Вы спрашиваете, что пришло было в этом спектакле? — Оператор Юрий Смирнов готовит свой фильм «Пять земель». И все режиссеры есть несколько новых спектаклей. Здесь мало стреляют, почти нет крови. И все же этот фильм о германе, о том, как и ПОЧЕМУ народ должен победить. Здесь нет каких-то слезных поступков отдельных героев, фильм рассказывает о массовом, осознанном подвиге всех советских людей: выкапывали пид своей земли считали

Рита — Злин Сулякова, Мотоваев — Александр Збруев.

Кадр из фильма «Пять земель».

Н. СЛАВИНА

Мы решились, с разрешения родственников, издать ее особо, прикладывая к каждой главе приличный эпиграф и дозволив себе переменить некоторые собственные имена.

Пушкин.

Я - ПАРЕНЬ СОЗ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

История мидий ту-
манина и непонятия.

Геродот.

Пират сидел в шаланде и чинил сети. Его испомерная спина распирала линялую тыльнячку.

Шаланда «Лизавета» тяжело вгрузила в мелкую ракушку шагах в трех от воды. Море, серое и ленивое, едва шевелилось под горячим багровым небом, в котором таяло желтенькое сентябрьское солнце.

К голубому борту «Лизаветы» прилоснилась черная инвазидская деревашка, позояная на огромную рогульку.

Семка Кавун смотрел в широкую спину Пираты невмигающими задумчивыми глазами, в которых плавала печаль.

Мы лежали на ракушке, парились в тяжелой соленой дупоте, и было удивительно, как это Пират мог работать.

Я смотрел на жидкое солнце, то открывая глаза, то сильно закрывая их. Когда я закрывался, в глазах стояла горячая, красноватая муть.

— Вася, жарь рыбу! — неожиданным медным голосом сказал Семка, отделяя каждое слово.

Пират медленно повернулся. Лицо его, красное от пота, было широко и блестяще. Под надежными бровями сидели аккуратные маленькие глаза. Он отложил сеть и вытер лоб ладонью.

— Я пока еще не вижу никакой рыбы! — сощурился Пират, выбрасывая полноги из шаланды.

— Ты жарь, — сказал Семка, садясь и обнимая ноги руками, — рыба сейчас будет...

— Какая же это будет рыба? — нехорошо улыбаясь Пират, и я, зная цену инноказаням, понял, что начинается какой-то серьезный разговор.

Семка не пошевелился.

— Это будет шемейка... Слушай и сядь в свою «Лизавету».

Семка стал на колени, привалился на ступни и принялся пошепелять себя по бедрам.

— Ладить тытого апреля, Вася, ты не ходил в море.

— Правильно, не ходил. Дальше...

— Дальше? Дальше двадцать шестого Фенька торговала твоим шемейкой.

— Ну и что? Я ходил двадцать четвертого.

— Нет, Вася, это нежная рыба. Она любит портиться. Ее надо продавать сразу. Понял, Вася?

— Я понял, что тебе надо удавиться, — ответил Пират. — Ты здесь фразеров не шукай, понял?

Он встал, набычился и, наскоро приладив деревашку, двинулся на Кавуна. Он шурил и без то маленькие глаза и шевелил ковылыми жевалами. И я испугался за Семку. Сейчас Пират дернет его своей деревянной рогадкой и полочет ребра. Но Семка, к моему удивлению, не обратил внимания на опасность.

— Я хочу немножко, — насмешливо сказал Семка, — всего сто рублей. Я на эти деньги женюсь, Вася.

— Не понимаю: за что тебе сто рублей? — спросил примирительно Пират и, пожав плечами, забрался в шаланду.

Семка лег на спину, притерся к ракушке и задумчиво сказал, глядя в небо:

— За то, что я умный... Если ты не дашь мне сотню, я саваю тебя на нет...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Все это было так давно,
Мои товарищи родные:
Любил я горючее вино
И два частушки озверие.

Иванковский.

Непонятно, когда мы успевали загорать. Город наш считается приморским, но море в нем играет слабую роль.

Город принадлежит заводам. А заводы вырастают там, где им удобнее. Если какому-нибудь заводу понадобится море, он берет десять экскаваторов, роет канал и подводит море прямо к цеху готовой продукции. Если же соседство моря ему не подходит, он берет сто скреперов и стодвадцать моря от своих стен, куда совет.

Нас не удивляло быстрое строительство. Нас не удивляло и то, что мы, приморские жители, жили от моря довольно далеко и редко с ним общались.

И только один из нас, Витяка Моргунов, строился у самого моря и на завод ездил на мотоцикле.

В выходной день с утра мы забирались к нему

в Филоновку на чистую ракушку, высалились вытравкой и закуской и располагались до вечера. Мы садились под навесом из старого паруса, расстелив газету, резали хлеб и чистили вяленого бачка, собирая в кучу серебряную чешую. Старший брат Моргунова, Василий Кириллыч, не спеша расставлял стопки и, тряхнув бутылку, с силой ударил дономшом по своей толстой ляжке. При этом он не забывал сказать:

— Перед употреблением выбалтывай... Металлическая крышечка сплетла. Василий Кириллыч, приставив к бутылке свои ногти, как отметку, разливал, чтобы всем хватило.

Закусывали мы сладким рванатым луком с солью, чебурком и помидорами, собирали отрывки в газету, зарывали их в песок и располагались отдыхать.

Моргунов устроился солидно, как какая-нибудь организация. Дом их прочно врос в прибрежный ракушник, за домом посадили кустов двадцать винограда. Оба они получили суду, а старший дружил с шоферами, которые подбрасывали сюда то мешок цемента, то пару кругляков.

Была у них лодка — довольно порядочная шаланда «Лизавета» с навесным мотором. Мотор был знаменитый. Он толкал шаланду так, что нос ее просылся к берегу. Метрах в двадцати от воды они вырыли затончик и построили перекатные мосты.

Брат Витякин, Василий Кириллыч, здорово любил море. Служил он на флоте, потерял полноги, давно, еще в войну, но плавал, как дельфин, управлял любой посудиною и в любую погоду.

За это мы его называли Пиратом. Иногда он садился на нос «Лизаветы», который мы именовали, как полагается, баком, поазывая голову косинкой, закуривал трубку и командовал нами. Командовал он складно, можно было заслушаться. А лет ему было уже за сорок.

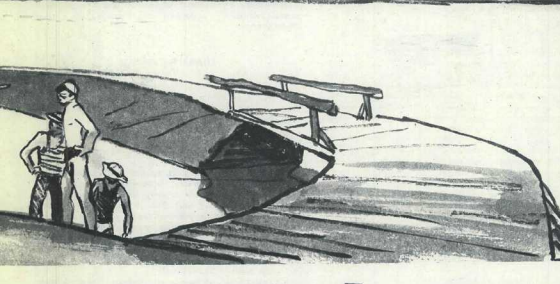
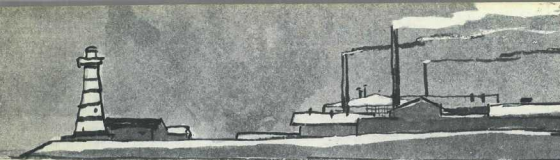
Старший Моргунов жил холостяком: два года назад от него ушла жена и унесла дочку Лицу.

Придет — почему-то успокаивал он нас — кот дом отстроим, и придет. Вы, пацаны, не понимаете, что такое баба. Баба ровно оса на сладкий кавун. У нее лапы к добру прилипают.

А в затончике у Моргуновых стояла красавица «Югонеда». Лакированная, альпийского цвета, длинная, как стрела, и легкая, как птичка.

Что такое «Югонеда», мы не знали, но были довольно странным приврачным именем, которое так шло к этой яхте, умевшей летать на белых крыльях.

К яхте Василий Кириллыч не подпускал. Бывало,

Леонид ЛИХОДЕЕВ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

ПОВЕСТЬ

мы сидели вокруг затоника, как тикие кролики, и часами смотрели на нее, вздыхая от утешения, но не было в нашей груди даже следов зависти. Завидовать можно только тому, кто ты сам мог бы иметь, но не имеешь, а «Рогнеда» была выше нашего представления о вещах, которыми можно владеть. Только Василий Кириллыч поглядывал на нее с полным равнодушием, называя стилоид и никмевой обузой.

Яхта «Рогнеда» принадлежала отставнику Бабичу, отцу Лены, нашей красавицы. Когда к Бабичу приезжали гости, он отправлялся в такую погоду дня на два-три прогуляться. И только жена его навещалась чаще, осматривала, цела ли яхта, не попользовались ли ею. И от этого неизменно осыпала яхта како-то терпела свою привлекательность.

— Это у них как бы семейный гроб,— посмеивался Василий Кириллыч.— Лгут всей фамилией, и зароды мы их в своем песочке. А хачта будет торчать вместо креста... Вот жадоба, навики меня бо!

Моргуновы завершили строительство дома по-петербургски. Были у них еще бабка и тетка — две старые старухи, которых они держали где-то в подвале, словно в сундуке, и вынимали их оттуда по мере надобности. Эти старухи приговаривали на базаре вялой шепелявой и рыбьим собственного, моргуновского произношения.

Мы лежали на песке и жарили плов, когда к нам подсел Семка Кавун — странный парень лет под тридцать, рывжватый, с белесыми глазами и «медвой» кожей.

Он повисал у нас недавно, говорит, приехал из места отдаленного, где проживал не по собственному желанию. Но Василий Кириллыч знал его давню.

С тех пор, как Виткина фототрипсера ирпакно пригласила к нашей заводской доске почета, он держался подальше от всяких странных приморских парней, чтобы они, как он выржались, не портить ему виден... Но Семку Кавун отыгать было нелегко. Семка вился вострым около Моргуновых, и, странное дело, стилоид Кирт пергел его.

Раньше мы, бывало, играли в карты. Семка играл удачно, наверно жульни, но ни разу мы его не могли поймать. И Василий Кириллыч сказал, что дурек будит, если садит с Семкой.

Я как-то спросил Кавуна: — Ты чего шляешься, Семка? Пристроился бы где-нибудь.

— Не могу,— с деланной печалью ответил он,— у меня в груди жоват обидка.

— Какая обидка? — Увольненный я? — Оттуда же тебя уволили? — С шхатты, мой мальчик. — С шхатты! — недоверчиво спросил я, оглядывая Семку, волыная натура которого как-то не была приспособлена к тяжелой работе.— За что, Семка?

Он вынул изо рта плагиросу, зажав ее большим и средним пальцами, шекулун и, глядя, как она летит, ответил: — За пывство.

Я удивленно приставил. — С шхатты! За пывство?! Ой-ой-ой! Сколько же ты выпивши, Семка! Он досадливо отмахнулся от меня.

— Отстань, дурочек... Василий Кириллыч чинил сети, и Виткина помог ему. Семка помалкивал, изредка сучил голыми ногами и вздыхал с прибаутками либо бормотал глупую песню:

Семка лавочку отырд!
И у зе не дуде,
Семка лавочку отырд,
Червоццами торгует!

«Как это можно торговать червоццами?»— думал я.

Василий Кириллыч буркнул, не оборачиваясь: — Семка! Завржывая лавочку! Растелся, барахольщик... Спой лучше что-нибудь подходящее. И Кавун, немного помолчав, зашел высоким, дребезжащим, нарочито обиженным голосом, раздале слова и сполово пришевшая к голосу радянке:

Мы с тобой да бе-ре-ты-га
У од-ка-го ро-те-во!

Любая песня у него выходила, как блатная. Так мы разваливались на жарком песке, изредка прыгая в воду.

В этой части пляжа не было купальщиков. Здесь располагился рыбзавод, неподалеку зеленела загородка детского санатория, а над нами по Бугру медленно тащились составы парожника и сипули старенькие алюминиевые паровозы...

В один из таких дней и проиозил нисказательный разговор между Семкой Кавуном и Пиратом.

Семка Кавун как ни в чем не бывало звонил и стал разглагольствовать на песке своих штаны.

Виткина удивленно смотрел то на брата, то на

Кавуна, не решаясь вымешаться. Василий Кириллыч замолчал и ждал, о чем-то думая. Семка, усердно разглагольствуя ладноно свой клещ, с превеликим вниманием рассматривал ткань, капля головой и кричала...

Не знаю, чем бы все это кончилось, если бы с косогора за нашей спиной не доносилось:

— Робата-а-а!
И я облячено вадлохун. На бурге стола Лена Бабич. Ее повалине сразу все изменило. Семка заглянул на одной ного, пыгасе попытка а штанину, и закричал:
— Извините, мадам, я без галстук!

Василий Кириллыч улыбнулся, а мы с Виткой побегали ей настречку. Лена спускалась боком, опираясь загорелой крепкой ногой в Босожке о спешущую глину. Ветер не церемонился с ее юбкой, и Лена то и дело была по ней рывками. За Леной спускался какая-то длинная девичья пестром сарафан. Сарафан задел за кочку, и девица остановилась, замахан руками, как мельница, и стараясь отцепить подол. Пока она возилась, Лена уже подбежала к нам.

— Робата, привет! — кринула она.— А мы с девчонками поехали на Чистый глот. Там наро-о-о-ду! Потом Милка говорит: «Давай на яхта покатаемся...»

— Ты нам и дади ятту!—важно сказал Витка.— Ем нем а Аলেখой и то не даот.
— Вам не даот, а нам дадут! — возразила Лена.— Я все-таки тоже хозяйка.

— Ты это брось,— перебил Витка.— Давай записку от мамы!

— Подумавши! Василий Кириллыч, здравствуй-те!

— Здравая желюя! — ответил старший Моргунов, омиравшись.— Показатели рывшии? Это — дело. Эх, друзья, а ну, налякаешь госту! Мы удивились такой готовности Пирата, и я понял: дает он нам яхта исключительно потому, чтобы куда-нибудь нас събить и остаться вдвоем с Семкой. Я чувствовал, что не разговор только начнется и мы при нем лишне свидетели.

Лена и незнакомая девица уже вертелись вокруг «Рогнеды», не зная, с какой стороны подступиться.

— Знакомьтесь,— быстро проговорила Лена,— это подруга Мила.

Подруга Мила окосилась, кивнула, как игрушка, головой, но руки не дала. Да это было и ни к чему. Наши руки были заняты: мы глядели «Рогнеду» по леворывному тепловому боку.

Лена была маленькая, кругленькая и черная, как жучок. И зубки у нее были остренькие и белые.

Подруга Мила стояла рядом с ней, как диаграмм. Вообще-то подруга эта была ничего себе: загорелая, с гладкой кожей, с короткими коротенькими волосами и подходящим носиком. Но уж только она была удлиненой и нескладной. Стояла она, как дерево, не зная, куда руки девать.

Старший Моргунов с какой-то не идущей к нему поспешности приляжал канат, ловко опираясь на свою девчачью, а Семка, уже надевший штаны, заватал их вилы колес и вынул из средней пролеви мостик, чтобы отыгать там, куда такжому кину яхта. Мне нравилось, что у Моргуновых все было предусмотрено: на мостик улаживались жесткие каточки, прикрывавшиеся досками. И вся сила нужна была только для того, чтобы усадить яхту на доски. Дальше она легко поднималась вверх и, перевалив верхнюю точку, метко выстреливала в воду, как торпеда.

— Раздавайте! девчачья— сказал Василий Кириллыч, пробуя крепость канатного узла,— кладите вилы в пусуду. Сядете с воды.

Глядя на дружную работу Кавуна и Василия Кириллыча, никто не поверил бы, что сейчас только они были на пороге драки. И я даже обрадовался этому. «Вильки!»— думал я.— Хотя не такие это люди, чтоб стаянчик бурдоржали их у утра до сих пор.

Мы атажили «Рогнеду» на доски, переваливали ее через мостик, а Лена со своей подругой Милой визжала и била толку носовыми вокруг нас, пыгасе помочь и только мешала.

Но вот яхта влетела в море, циркуну килем по песку, и мы с Виткой остались на берегу. Василий Кириллыч подошел на нас, опустил руку с кивером и стал поклонить парус. Мы с Виткой предвкушали наслаждение. Витка, конечно, и тут будет главным, да уж как-нибудь поминорим.

— Ну садись, садись! — прикрикнул старший Моргунов, и девчонки побегали по воде, смеясь и брызгая. Они смешно переваливались на борт, подпрыгивая наполновию намоченными задками. Когда они

услыш, Витка бросился в воду и вынырнул за кормой, свержающий, словно смазаный маслом. Я последовал его примеру.

Семка Кавун сидел на мостках, покуривал, не глядя на нас, и, наверно, дождался, пока мы отчалили или пока слезет Пырат. Но совершенно неожиданно Василий Кириллыч равнул конец и крикнул с нахреннейшей «Рогнедой»:

— Семка! Ты перебери перемет пока! Я покаваю их и вернусь!

— Ладно, Вася,— ответил Кавун, словно ничего не случилось.

Моргунов-старший, выправил яхту, крикнул:

— Ну, держись!

Я не понял, к кому это относится: к «Рогнеде», к нам или к Семке Кавуну.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

*Что написано пером—
не вырубишь топором.*

Пословица.

М з протокола комсомольского собрания механического завода:

«ЛУШАЛИ: О рекомендации в кандидаты КПСС Моргунова Виктора Кирилловича.

ПОСТАНОВИЛИ: Дать рекомендацию в кандидаты КПСС тов. Моргунову В. К.». Из честного письма:

«...он человек мягкий, а вот видишь, настала на своем! Конечно, у тебя есть все условия дожидаться, ты сама знаешь, что тебе уже потерпели, и боишься уже на втором дыхании. А связи его здесь ни при чем. Надо же в конце концов ужать себя! В общем, до скорой встречи!..»

Из газеты «Робочий»:

«Командование и партийный комитет с прискорбнем извещают о трагической смерти при исполнении служебных обязанностей тов. Макрущенко А. В. и выражают соболезнование семье покойного.»

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Ты о себе сказал..

Голос с моста.

Н аш небольшой город расположился с двух сторон реки, которая когда-то впадала в море.

Если смотреть на него со стороны моря, он дышит сотнями труб, как мощная эскадра, собравшаяся в кучу после тяжелых невров. По ночам над ним замигает звездно: это доменные печи сливают шлак.

Заводы в нашем городе следуют один за другим. У нас плавят руду, варят сталь, строят корабли и делают комбайны. Просто удивительно, откуда у маленького города столько сил, чтобы со всем этим справиться!

Он выглядит тихоней, наш город. Стоят в нем старинные домины в один и в полтора этажа; они обсажены акциями, каштанами и шифровыми тополями, которые заснеживают все улицы, когда цветут. Под каштанами стоят вечные скамеечки из рвушины, теплые, как лежанки, а на скамеечках сидят бабушки и толкуют о своих бабушкиных делах..

Но если перейти на другую сторону реки, можно подумать, что попал в совсем другой город. Там широко, но жалая просторная; расположены проспекты пятиэтажных домов, и каждый дом занимает квартал. Там нет ни теплых скамеечек, ни старых каштанов. Там раскинулись скверы, уставленные просторными садовыми скамьями на чугунных львиных лапах, и в стиль этим лапам сооружены ограды кинограммов по триста на квадратный метр.

Если бы деревья росли с такой быстротой, как какой растут доменные печи, парк наш давно бы шумел богатой листвою. Но пока эти сады и парки содержат в себе все, кроме деревьев. И только мотушке фигурные фонтаны, бьющие в центре скверов и будущих садов, радуют глаз и словно ругаются, что степная беззвездье кончилось. Наверно, нет ни одного приморского жителя, который не знал бы, как трудно добраться до питьевой воды у самого синего моря.

Я сам лет семь назад помогал отцу чистить колодезь, и я знаю, какая это тяжелая штука, вода..

Отцу мой, Степан Алексеевич Плющ, вышел на пенсию по старости три года назад, ровно через год после того, как мы получили квартиру и освободили свой домик с садиком и огородом. Этот домик подлежал сносу, поскольку через место, на котором он стоял, должна была пройти новая автострада.

Отцу мой был машинистом и служил на станции Товарная-II. Его дорожный сундучок, кованный из кровельного железа, и сейчас стоит в передней возле вешалки. Сундучок выглядит инвентаризованным: так он отштробился за сорок пять лет службы.

Старшие братья мои тоже пошли по железнодорожному транспорту, и только я, последний, остался на твердой земле и работал топарем на котельном заводе. Брат Александр Степанович так и ездит машинистом, а Ваня, хот и моложе его, уже крупное начальство: инженер и начальник службы. Они оба давно женаты, имеют детей, и племянки мой, Александров сын, отстает от меня всего на два года.

А сестер у меня нет. И не было. Отец говорит, что у него сами дубки, черемуха не уродилась.. Но у меня племянки Шура, Ей, так и мин двенадцать лет; знает она с нами, при бабе, то есть при моей матери, и зовет ее мамой, потому что родители ее умерли. Отцом ей был брат мой Степан Степанович, так что она тоже Степановича как и я.

Правда, имя моего брата Степана Степановича в семье не произносили. Так, если и слову призо-

дилось, говорили: помер — и все дела. И меня его Зинаида, Шуричка родная мать, тоже умерла. И про нее не говорили. Даже сама Шуричка. Она даже не поливала ее. Но я точно знаю, что у мамы моей есть их фотокортежик. Правда, фотокортежик — это не брата потому, что был он у нас в стар народ. И отец от него отстрекот. Отца как стрелый, кадоровый рабочий, раз и навсегда отградил его, потому что Степан оказался шлюном и вредным. И он всегда как раз в самый момент напряжения всех сил — в войну.

Он был ранен и списан в тыл, в дело, стаминским мастером. А потом как-то поучилось, что вояки он заспан был для вредности. Правда, тогда он был в форме, и это на него вояки под воздействием особо, Степана взяли, и Зинаиду взяли. А Шуричка попала к нам. Отец тогда еще сказал ей:

— Ты тебе и деда и папа. А баба тебе и баба и мама.

Шуричка, конечно, радовалась, что у нее два папы и две мамы. Мать плакала, а отец хмурился.

А мне было все равно. А потом, когда я стал походить, мне все-таки рассказали, добрые люди про брата.

— Но лет семь назад, когда я уже стал соображать, что к чему, отец вдруг позвал меня, поставив перед собой и дадо смотрел на меня. Потом спросил:

— Брат Степан, знаешь, как умер? Я был подготовлен к этому вопросу и унизился, что отец сам себя заперет с этого вопроса. Я тогда был и плакать, и тихо сказал:

— Пристрелил. Охранка избила... В кровле... Он пошевелил бровями, вздохнул и с тяжелой надеждой, в которую сам не верил, добавил:

— Он сиплый... парня был... Так, может, и совсем, до смерти.

Меня поразило не то, что отец выпнул. Я был удивлен той бескомпромиссной злостью, с которой он вздохнул. И, еще не осознавая того, что сам он тоже так поводит себя, спросил:

— А жена его... Зинаида?... Тета Зина?... Зинаида много не надо было... Она халотная была... Да... Реабилитировать они... Мать еще не знает...

— Это они реабилитированы? — спросил я, не понимая этого незнакового слова. И думал про малолетство, что оно значит — похороны.

Отец молчал. Он взял тяжелыми руками за голову и проборотал, покочиваясь:

— Ах, Степан, Степан... — бормотал отец, и я не понимал, кого он имеет в виду: брата или себя.

А потом появился увеличенный портрет Степана и Зинаиды. Они сидели, наклонив друг к другу, и почти касались головами. И были они неподвижны и мертвые, даже глаза не блестяги.

Я всегда знаю, что у матери есть их фотокортежик. Тот фотокортеж, что для отца Степана, может быть, и был врагом народа, но для матери он был сыном. И она уберегала эту картинку от моего непримиримого старика...

Шура на меня не походила совсем. Она все время молвела, но все время собирала. Ей не надо для него ни песен, ни гулюнок. Она все сама по себе, без всяких посторонних вещей. Глаза у нее добрые, круглые, а вокруг зрачков светится вот такое блево, и подоглушливые наши девочки так же блево выщипывают, стоя пойма быша. А Шура sonst как весте: пушистые, цвета стальной стружки. Зато ресницы у Шуры особенные: когда они удивятся или похородевают с кем-нибудь, они достают ее самые бровей. Конечно, другие воззоса со своими ресницами — красист их или полируют... но все равно видно, что они из конского хвоста. А у Шуры свои, и это тоже самое видно. Губы у нее тоже свои, нервные, густо-розовые. Но она все-таки пудрится. Открет от пудреницы, отлетает верхней губой кожу на лице — раз-раз вытает, как ни в чем не бывало.

И еще она швет на себя. Ей недавно машинку купили, но и на нее она не берет. Она всегда, если присмотреться, нельзя сказать, чтобы она с чем-нибудь долго возилась. Вот приходит и они падурги обсуждают фасон по журналу мод, кокетливо сопят, цокуют, хвоят. А у Шуры разговорок короткой.

— Вот это платье тебе идет. А в этом ты будешь, как воробей в капусте. И не думай.

Меня почему-то всегда раздражали раскрытые журналы мод, на которые я носил глазами, про-

ходя по комнате. Особенно противно глядеть, как все эти красотки вертат бесовскими боками в рабочих комбинезонах. Я-то знаю, что такое работа и для чего нужен комбинезон. Все это кристично и в донсики с английскими личинами и мальянскими губами, конечно, не имеют никакого касательства к работе. Они подлаживаются под работатя, а сами, наверно, круглый день кристят ресницами.

Но Шура казалось, не замечала этой обидной несуровости. Кажется она сама себя комбинезон по рисунию, и я даже удивился: здорово, ладно и действительно удобно для работы.

«Дело все в том», — подумал я, — что это Шура... Говоря хороче, а за свою Шуру отдава бы и за себя. Не делая бы для нее все, чего бы она ни пожелала.

Я из-за нее даже галусту так надевать. Конечно, не такой, как Андреевич носит, но все-таки галусту. И пиджак мне шили по ее выбору: светло-синий, с цветом глаза, хотя глаза у меня, как бы сказать, серо-зеленые. Это первый пиджак в моей жизни. Маленький портной Есей Соломонович лезал по мне с сантиметром, как обезьяна, и я удивлялся, откуда у него такой здоравый аппетит. А потом, на море, Есей Соломонович. Правда мы жили по соседски, и Шура успрела Есая Соломоновича уделить и мне долю своего труда.

— К такому пиджаку, Алеша», — говорил портной, одергивая на мне готовую свою продукцию интеллигентные манеры. А! Что ты скажешь!

Потому у меня с пиджаком установились весьма натуральные отношения.

Шура училась в вечернем институте, а днем работала в пролетском бюро металлургического завода членом комитета.

А в смотрел на нее и едва не задохнулся от черной злобы, когда думал, что ей уже двенадцать лет... «Иван идет», — думал я, — и Шуричка радует меня прерывистой дот, ввечер, вечер, пританет к ней какой-нибудь охланом. Проводит дотман, к кино позывает... Словачки-колячки всекие. И ведь охмурит, гад! Конечно, она не такая уж дуря. Но так ведь черт его знает, как бабей, стрелы. Умная-умная, впрочем, как и шакаврант...

Однажды я услышал, как она с матерью говорила, и замер, не входя в комнату.

— Мамочка, — говорит Шура и смеется, — выбирала пона из него. Все одинаково скучные.

— Конечно, — соглашалась мама, — это я так... Дочерей-то у меня не было, а сама я шестидесяти лет была. Ну, дуря, и тогда ты...

— Когда пора будет, сама скажу, — смеется Шура и целует мать.

И мать тихо смеется:

— Ну, хорошо, скажешь... Только вперед скажи-то. Ладно?

А она опять смеется:

— Алеша, хвяти послушуйт! Это неприлично. Мужик невоспитанный! Причеси свои рыжие пале!

Последнее время я заметил, что чувствую себя перед ней не то кроликом, не то дубиной. «Конежно», — думал я, послушно причешиваясь и разглаживая себя в зеркале, — парень вроде меня еще не встречало. Все это Битлз, Битлз и прочая шпана могут заранее считать себя уже по-коинимому... А он позывает граф до фразей Виктор де Бравелон или киноартист... Убыю гада, ей-богу, убью... Утышавша невнимательное состояние, дадут мне за убийства графа лет десять без дальнейшого поражения в правах. Так... Значит, убью я его, по всей видимости, через год, будет мне двадцать. Вернусь сюда к тридцати годам, как Солей Каган. Но интереснее буду и возмущаемый и себя, бордой будет расти губы... Приду и Шуричку и скажу:

— Так и так, дорогая Шура, бросаю все свои дела, и буду доживать нашу недурную жизнь, как брат и сестра.

Она, конечно, заплачет и поцелует меня, а я буду стоять как вкопанный.

Так я думал и примерял свои мысли к жизни. Жизнь моя с ней как брат с сестрой все равно. Зависит от меня и от нее. И если я захочу, то пойду и к маме, достаточно дать ему раз по шею, чтобы ноги у него колотились больше взад, чем вперед... А походить для красоты я всегда успею.

Шура, возвращаясь домой нормально. По крайней мере раньше меня. К ней приходили подру-

ги и чаще всего Галя Лапшина, с которой они вместе работали и вместе учились. Они закрывались в Шуричкин кабинет и проходили науку.

Иногда, конечно, бывало, что Шура оставалась со своим самым классом на всю жизнь. Но она имела над мной такую власть, что заставляла закончить вечернюю дестилитку, и, только убедившись, что учусь я для нее, а не для себя, освободила от занятий на научной кафедре.

Но от культурного воспитания Шура мне не освободила. Когда к нам в город приехал какой-нибудь столичный или просто хороший театр, Шура обязательно покупала три билета: для себя, отца или матери — для мамы. Несомненно, раз мне удавалось сплунуть ей стариком, а самому улизнуть по своим делам. Но однажды мне это не удалось. Превиде чаме пойти, я выдирал सर्वозное из кармана.

— Ты помрешь дубиной», — выдала она, — ты ничем не интересуешься и читашь книжки, которые в твою возрасте уже стыдно брать в руки! Ты читашь про какое-то дурражии шлюном и не подобраваешь, что на свете есть Лев Толстой!

— А зачем мне твой Толстой? — огрызнулся я. — Он мне в школе надоед. А эту Анну Каренину удавал бы и зводис с ней Татьянну, будь они не людьми.

— Не смей! — кричала Шура, — Наскажд! Ну! Все культурное человечество воспитавалось на Толстом и Пушкине...

— А я не культурное человечество. Я рабочий класс.

— Ты Боска! И никакой ты не рабочий класс... Впроче, как хочешь. Я найду человека, который пойдет со мной в оперу.

Мама (она шла на третий билет) надевала свое бордовое платье и с улыбкой вздыхала. Она не вынашивавшая науку, но Шура никак не этого самого «человеча» подделывала на меня сильнее всех великих писателей, вместе взятых.

И мы поехали в оперу.

В театре нашим я был два раза. Первый раз — на замаскованном венчере тридцатилетя в возрасте. Второй раз в нашем театре было во время спада передовиков. Таким образом, ничего, кроме президиумов и отдельных номеров художественного творчества, на сцене не выдало.

И вот я попал сюда в третий раз. Это было совсем другое дело. В фойе стояли контролеры, бордывая гербербосии в форменной одежде сидения в парадном прилавке, важно надуряясь, как царь. Они случались без дела по легкой роде, изредка приговаривая:

— Шляпу сдвйайте... Палачик повесим... Бинокля не надо!

И публика была немая. Из завосодки я встретил только нашего маленького чеха с женой и еще немаякушину женщину — Венемкина Савучка, который ходил в тугом вороничке, как повешенный на собственном галусте. Савучк похоронился с Шурой, а она даже похоронилась ему ручкой, что мне, конечно, не понравилась.

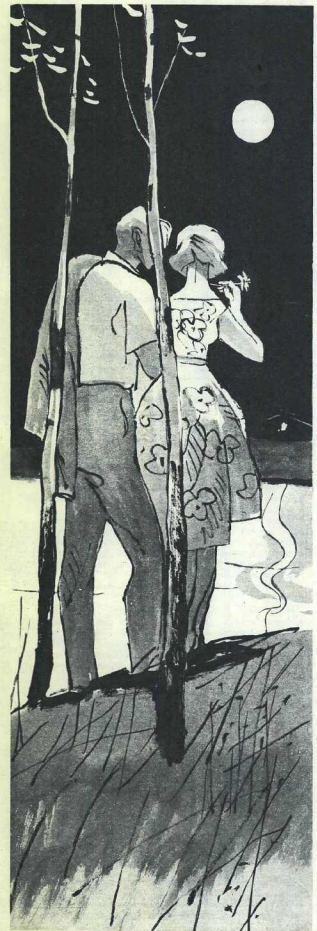
Ходили, еще тут штурк воевать пиюном, и средни чех выделялся главный безработный нашего города Андреевич Ковальский — грязистый парен с усиками на скучном лице. Этот Андреевич ни черта не делал, но бедах у своего палача, и надо сказать, жил как бог.

Я много слышал о том, что труд обображиваеет человека, что без труда человеку крышка, и как-то не задумавшись над досторностью этих слов, я себе все это вбил в голову. И когда работя улизнуть от дела. Но, в общем, конечно, без работы жить бы не мог. И дело не в том, что работа давала мне деньги и в сумме своей я зарабатывал больше всех. Не в этом суть. А в том, дело, что работя улизнуть от работы, от своего палача, я не смог бы, даже если бы был калекой. Я бы тогда удавил.

Андреевич был натуральной красотой, с начальными высшим образованием. Образование того милосты у Андреевича в общности способствувало целая семья. Он всюду поступал и отводую уходил.

А знал я о нем потому, что вечно он попадался мне под ноги. Куда ни приду, Андреевич тут как тут. И жить ему ублажал так, словно не могла без него жить. И когда он в состоянии сидеть на машине катается, то его удвои домкой ручичи, как индийской кошки. Сейчас он ходил, чте соборивавши, в рывках пиджаке и в галусте до колена. Ходил в расстегнутой и портии мне настроение само присутствием.

Шура, веселая, нарядная, шла под руку с матерью и здоровалась направо и налево. А в ша-

гал за ними, как миллионер, глядя себе под ноги и ожидая звонка.

И только увесившись в кресле, а немного успокоившись, осматриваясь, и, конечно, снова рядом на десять впереди себя увидев друщую тень Андрейчика...

Но уже играла музыка. С первых же звуков, проткнув моего ожидания, опера мне понравилась. Музыка была приятная, и особенно приятно было посматривать на Шуру, как она слушала, полу-

завры глаза. Я внимательно разбирался в происходящем на сцене. Мне нравился и старенький доктор-алемник, который желал омолодиться, и веселый черт Исе-таки, и сама Маргарита—топтанная дамочка с носом до пят. Все шло очень хорошо. И все-таки все время я чувствовал, что мне что-то мешает смотреть, что-то создает неудобство. За мною сидела какая-то зануда и все объяснила вслух. Я подумал о том, почему тенька зануда пускает в театр. Но потом правым и перестал обращать на нее внимание. И только в конце оперы я понял, что мешает мне: пенки! Если бы они не пенки, а просто говорили, было бы лучше.

Мать, видимо, устала за день, потому что она тихо спала, никому не мешая, как спала дома: робко и неслышно. И только Шура была намертво прикована к сцене...

Мы возвращались молча. Мать молчала, потому что была вообще неразговорчива, Шура перешла и находилась под впечатлением, а я молчал потому, что стеснялся внести рационализаторское предложение, касающееся перевода пенки в опере на обыкновенный разговор.

Так мы пришли домой и застали папушу в том же положении, что и оставили. Он сидел на диване в очках, надынутых на лоб, и читал увлекательную книгу о бравоном солдате Швейке, отнесся же на всю вытянутую руку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Всякая девушка хранит в себе некоторую тайну.

Потопч, сторож склада № 3.

Как меня воспитывала Шура, действовавшая на мой характер с непостижимой точностью и занимавшая в моих глазах место вместо средь всех девушек молодого шара. Она смотрела на меня так, словно знала что-то такое, чего мне не узнать за всю жизнь. Когда она молчала и думала, я чувствовал, что ни за что не угадаю ее мысли, как бы ни старался, и что даже стараться не надо, поскольку Шура и думает, и смеется, и смотрит совершенно иначе, чем все остальные люди.

Она прочно занимала свое первое место. Но моим первым местом и вторым местом была эризмья пропашка, через которую не бывает мостов. Первое место шло по ту сторону пропашки, а по эту сторону находилось второе место, и занимала это место просто Тоня Мурацева, как могла бы занимать его любая другая.

Тоня была крупная девочка, как все девочки, в каштановых взбитых волосах, жестковатых и невьющихся. Она заставляла их виться, накручивала на что-то, но из этого ничего не выходило. Я гулял с нею, как все гуляют, не загадывая вперед.

Она пела песни и была веселой со всеми, кроме меня. Однажды я вышел для журажки и решил ее поцеловать. Она, наверно, почувствовала, что я пьян, и шлепнула меня по щеке. Я не обиделся, как то гапун засмеялся и выругался. Тоня резко повернулась и быстро заступала клбуничком прочь. А через два дня мы астрелили сноуа, и Тоня ничем не вызвала своего позавчерашнего отношения ко мне. Только однажды, когда я повторил свою попытку, она блеснула хитрым глазком, и я опустил глаза. Но Тоня подняла мою голову руками и сказала:

— Чудак-человек, напишетесь-то зачем для этого?

И неожиданно сама крепко поцеловала меня в губы. Я так растерялся, что даже не ответил ей.

Мы гуляли с ней долго и молчали, пока не забрели за восьмью линию, в посадку. Когда-то здесь журчала речонка и над ней уже держался голубой мостик. Сзади, на горизонте, выныла в красном мареве завод, и в этом же мареве плесала луна, как воздушный шар. Там, за заводами, было море. А здесь, в степи, цокалели разные насекомые и протрескивали от сухости кустики.

Мы стояли долго, и я обнял Тонию. Она не обняла меня, а стояла, прижавшись и опустив руки. Я тогда вспоминал ни и сейчас, ни к роду Вовно Пилипуца, который сейчас ушел в армию, а до этого гулял с ней:

— Ты и с Пилипчуком сюда ходил? Она прижалась ко мне сильнее и гапучо ответила:

— Сюда не ходила... Никуда я с ним не ходила.

«Врет!»—подумал я, страдая от того, что не могу дознаться правды,— не сюда ходила, так в другом месте, и тогда шаркала ей руки.

Она отскочила проворно, как лягушка, и спокойной сказала:

— Чудак-человек... До всех тебе дело...

Я разозлился на нее шуточно. Тоня убежала в степь. Я даже не пошел за ней и вернулся в город.

Но это место стало для меня местом. И мы приходили сюда с Тоней не раз.

Познакомились мы с ней в вечерней школе. Она даже дома у нас была два раза, когда мы готовились и экзамены, и Шура назвала нас накудой. И, несильно сравняв Тонию и Шуру, я удалялся, как они отличались друг от друга. При Шуре, моя и голова и мысли были какими-то чистыми, тогда все светилось. А когда Тоня была, я смотрел как на девочку, и дело с концом. А то, что она встречалась с Ванькой Пилипчуком, парнем таким, что девчонки не жаловал, наполняло мою душу какими-то озорным, неуважительным, личным чувством, похожим на хвастливое ругательство.

Но когда один парень в школе подогнул мне по поводу Тоня и сказал: «Не теряйся! Она огонь и воду прожгла!»—я сначала заторгал по-жеребачьи, а потом, подумав, посулил выбить ему зубы.

И все-таки я Тоню не уважал. Хвастливое чувство брало во мне верх, а ве несприступность озадачивала меня и злила, и я уже готов был говорить о ней всякие гадости.

Но при ней я менялся. Несколько моих дурацких попыток и наглое давно прошлое, я не считал себя связанным с нею ничем и полагал себя вольным казком, у которого, как истари заведено, есть баба, но он ею не очень-то дорожит. Я даже признаю себе не дураком о ней, и Шура, единственная девушка, заполнявшая мои мысли, властвовала во мне безраздельно. Но Шура была как бы сестра, и я старался либо не думать об этом вовсе, либо думать только об этом.

А о ней, Тоня, я думал все время. Она помнила обо мне всегда, знала обо мне все, хотя никогда не следила и ничего не спрашивала. Она уже не оборонялась от меня, потому что и я переменился. Я выныла все спокойнее и спокойнее, в том, что можно не обороняться от моих дурацких надежд, заставляла меня как-то бережнее относиться к Тоне.

И во всем этом была великая тайна. Почему девочками, как бы ни хорошились, как бы ты ни хвастал, неведь над тобой власть? Поразительно!

Мы могли насветить ходить «по нашим местам» и молчать. Я обнимал ее за бочок, мы слушали стрекот цикады, который заглушался могучим ревом выливного шалака, а луна растворялась в оплестливо жарком мареве.

Тоня работала на металлическом заводе, в инструментальном цехе, жила в общежитии, и о наших встречах никто не знал. И хорошо, что не знал. Женьитесь мы не собирались, а так гуляли, как все гуляют, без особенных перспектив.

И вдруг неожиданно меня пригласила на день рождения Лена Бабич. Я пришел вдоволь, а в «новорожденка», как у нас называется будка крана. Никогда не прожвал я ее домой, кроме того раза, когда мы катились на «Гогнеда».

Мы тогда шли строем с длинной подрутой Милой, и Мила оказалась не такой уж длинной—не выше меня. Она была неразговорчива, говорила загадками, часто упоминала имя какого-то Голя, с которым они учились вместе и который попал теперь в колледжеский институт.

— Странный дыкда, этот Семка,—сказала вдруг Лена.

— А чего он странней—пожал плечами я—блэтной ой, и все.

— Как это блэтной?—спросила подруга Мила, и Лена засмеялась.

— Одним словом, блэтной,—поясил я,—Боговой.

— Как это Боговой?—наставила подруга Мила, и непонятно я знаю что такое. Это значит вор.

— Никанкой он не вор,—сторож сказал я.—Он просто где-то колеса автомобильные украл. Раз украл, да, а там и попасал...

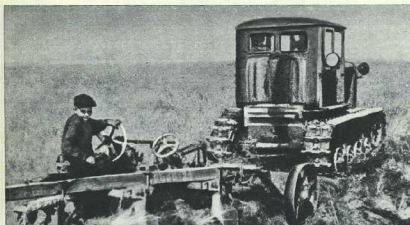
Пилипуца, который сейчас ушел в армию, а до этого гулял с ней:—спросила Лена.

— Он, наверно, шофер,—сказал я.—Он Виктору мотоцикл починил. И здорово.

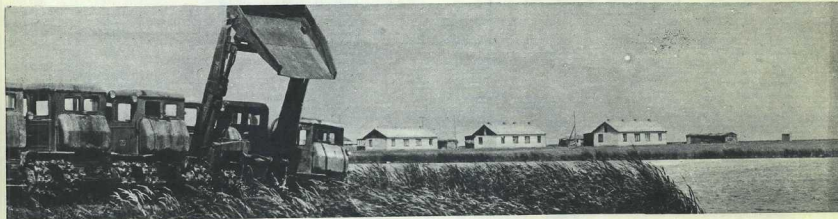
(Продолжение следует.)

СМЕНА 1924

СМЕНА 1964

Симаок, помещенный слева, сделан фотокорреспондентом «Симвия» десять лет назад в рождавшемся на целине совхозе «Ишимский». Бескрайние степные дали, тропотичные палаточка напатов, обожженные шалмы ветром парин и дачата, праздник первой борозды... И вот тот же совхоз «Ишимский» сродня. Совхоз, который дал стране за десять лет своей жизни не одну сотню тысяч центнеров пшенического зерна, совхоз, который стариньям новоселов приобрел облик уютного степного городка.

НАМ ЖИТЬ ПРИ КОММУНИЗМЕ!

Владимир КОРНИЛОВ

Поэту Владимиру Корнилову тридцать шесть лет. Он окончил Литературный институт имени А. М. Горького, потом служил в армии. Его стихотворения и переводы печатались по многим газетам и журналам. В издательстве «Советский писатель» готовится книга стихов В. Корнилова «Простона». Мы предлагаем нашим читателям несколько новых стихотворений Владимира Корнилова.

ЖАВОРОНОК

С О Н

Сон мне снился в середине лета.
Снится все,
Чего с тоскою идеешь...
Застучало что-то по брезенту,
И пошел, пошел,
Запрыгал дождя.

Почащай кося, неужюже,
Но потом он выпрямился враз,
И, как патла, разбежался лужи,
И дороги поразрызла враз.

Прыгали девочки,
Хохотали:
— Выя!
— Ура!
— Брависсимо!
— Банзай! —
А директор,
Видно, был в ударе! —
Закричал:
— А ну, зерно спасай!

Лужи свои глотки раззевали.
Он орал:
— Давай дави сильнее! —
А когда колеса буксовали,
Сам слезал,
Подраывая шинель.
А потом зерно ищдали женщины
В лону моего грузовика,
И оно сверкало вроде жемчуга...
Впрочем,
Кто их видел жемчуга!

Просто хлеб.
Он я в то сухое лето
Нужен был...
И снилось про зерно.
Но висело солнце над брезентом.
Неподвижно.
Тяжело.
Давно.

Были небеса синее ситца,
Рань была еще.
Жаворонок взлет
И опустился
На мое плечо.

Трелью нежной,
Чистой,
Частой-частой
Зависнул,
И в слатна,
Одурел от счастья,
Юным стал.

Семь недель
Не вода я печали,
Не был глум,
Но нечаяно повел плечами —
Ты вспорхнул.

Вот сижу,
Жую свою мякнину,
Страх глущу...
А бывало,
Голову закину,
На тебя гляжу.

А бывало,
Ни дождя, ни снега,
Только сны и ты...
И казалось:
Без тебя нет неба,
Нету высоты.

В Р Е С Т О Р А Н Е

(ВОСПОМИНАНИЕ)

Три месяца им с «пробрами»
Ложились снежок недрач
И все делили поровну:
И груз,
И чай,
И харч.

В сумках ищдали «свалкиню»,
Девочек клали в центр,
Жевали сны, как пряники,
Без судорог и сцен.

Тут были сныты начисто
Все бредни и грезы,
В том не было монашества,
Но был закон тайги.

И, чтоб не уподобиться
Сачу или соев,
Резон был беспокоиться
Поменьше о себе.

Был февраль
Погрустнее грустного.
Снег был морщин
И сныма — свет.
С затемненного Белорусского
Отправлялся на фронт сосед.

На перроне минуту выбрал
И меня поманил:
— Малыш...
Протянул три бумаги:
— Выпей... —
А зучуло
Как «Помолись!»
Я с девчонкой пошел.
Учитво
В «Гранд-отеле» швейцар встречал.

Только денег едва хватнито
На пирожные и на чай.

Мы элкер заминали часам,
Мы сидели здесь в первый раз,
И французы и англичане
Оборачивались на нас.

Что ж, держаться хватало духу:
С пятiletок моя земля
Приучила носить дерюгу,
Словно мантнго короля.

...А под Вазьмой,
В леске недалеко,
Собрался сосед в десант...
И, подслушав меня,
Ударил
Стал выделять чудеса.

Он тарелки шмырлял весь вечер,
Он подмигивал,
Упоен,
Бедный крохотный человечек,
Забравшийный для бжв.

Он старался,
Чтоб в ресторане
Я, мальчишка,
Не сник душой,
И на третьью весну,
Не раян,

Офцнер мой в Потсдаме вошел.
И, послая инструктора к черту,
Я под этот всеветый гром
Чай хлебал, и смешил девчонку,
И держал себя королем.

Словно бы не издавна,
А из первых рук
Проислысь истыны
Мне отырились вдруг.

Я вокру да оило
Топал — будь здоров! —
И меня не трогала
Суть знакомых слов.

Видно, многим выпало
Крепко поплутать.
Чтоб, как реки в библии,
Воротиться вспять.

Отмести минушество,
Лестя и суету
И постигнуть нужство,
Честь и высоту.

П О И С К

Как в стандартной квартире,
Как в остатке сунка,
Как в квадрате, четуре
В этой жизни угла.

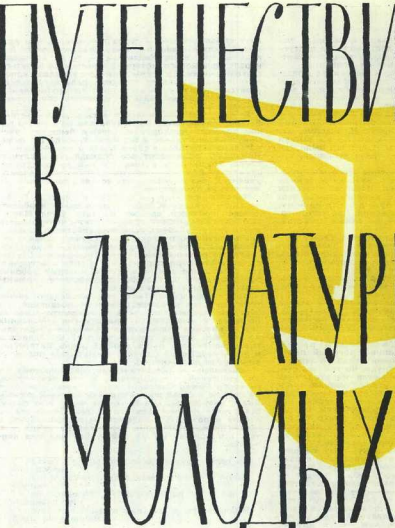
Но в предместье тоскливом,
Ущачено дыша,
Не умест с Эзхндром
Примириться душа.

В клетке отчего крова
Бытсы, горше щегла,
Ради Бог весть какого
Незаметного угла.

Подымайся и падай,
Отбавля все хрящи,
Но несбыточный, пятый
Непременно щип!

Ведай, не успокоясь,
Век пока не истек,
Агасферовый поиск,
Человечеству дог.

Он издреле прекрасен,
Свечес стоит игра!
И лишь мертвый согласен
На четуре угла.

Сорок два километра бездорожья, купание в ледяной воде и прочее

Сорок два километра — это почти варшавская дистанция. Олег Чубарев, «студент и киноактер» поэт, как рекомендует его автор пьес «Сердце у меня одно» Г. Полонский, и «слабый гуманитарный мальчишка», как говорит о нем героиня пьесы, должен неслышно звать эту «дистанцию», чтобы доказать, что он вовсе не слабый, хотя и «гуманитарный». Он несет тяжелый мешок с заплатами для комбайна, он встает на колени, и к тому же на воздухе пахнет грозой. Стенения всех этих обстоятельств автор основательно навелает зрителю, чтобы тот ощутил подвиг, пусть не на самом значительном; само слово «подвиг» нинто не прозвучит — не до возможности.

Итак, в начале нашего путешествия мы попали в цепкую степь и увидели человека, который ის полагался сил идет по этой степи. Отчимы мы попали в театр, где сцена изображает степь, а актеры — человека, который идет по этой степи, что вот здесь, на сцене, совершается подвиг. Но тут же возникает вопрос: как же в воздухе пахнет грозой? Стенения всех этих обстоятельств автор основательно навелает зрителю, чтобы тот ощутил подвиг, пусть не на самом значительном; само слово «подвиг» нинто не прозвучит — не до возможности.

Итак, в начале нашего путешествия мы попали в цепкую степь и увидели человека, который ის полагался сил идет по этой степи. Отчимы мы попали в театр, где сцена изображает степь, а актеры — человека, который идет по этой степи, что вот здесь, на сцене, совершается подвиг. Но тут же возникает вопрос: как же в воздухе пахнет грозой? Стенения всех этих обстоятельств автор основательно навелает зрителю, чтобы тот ощутил подвиг, пусть не на самом значительном; само слово «подвиг» нинто не прозвучит — не до возможности.

Итак, в начале нашего путешествия мы попали в цепкую степь и увидели человека, который ის полагался сил идет по этой степи. Отчимы мы попали в театр, где сцена изображает степь, а актеры — человека, который идет по этой степи, что вот здесь, на сцене, совершается подвиг. Но тут же возникает вопрос: как же в воздухе пахнет грозой? Стенения всех этих обстоятельств автор основательно навелает зрителю, чтобы тот ощутил подвиг, пусть не на самом значительном; само слово «подвиг» нинто не прозвучит — не до возможности.

Итак, в начале нашего путешествия мы попали в цепкую степь и увидели человека, который ის полагался сил идет по этой степи. Отчимы мы попали в театр, где сцена изображает степь, а актеры — человека, который идет по этой степи, что вот здесь, на сцене, совершается подвиг. Но тут же возникает вопрос: как же в воздухе пахнет грозой? Стенения всех этих обстоятельств автор основательно навелает зрителю, чтобы тот ощутил подвиг, пусть не на самом значительном; само слово «подвиг» нинто не прозвучит — не до возможности.

Итак, в начале нашего путешествия мы попали в цепкую степь и увидели человека, который ის полагался сил идет по этой степи. Отчимы мы попали в театр, где сцена изображает степь, а актеры — человека, который идет по этой степи, что вот здесь, на сцене, совершается подвиг. Но тут же возникает вопрос: как же в воздухе пахнет грозой? Стенения всех этих обстоятельств автор основательно навелает зрителю, чтобы тот ощутил подвиг, пусть не на самом значительном; само слово «подвиг» нинто не прозвучит — не до возможности.

Итак, в начале нашего путешествия мы попали в цепкую степь и увидели человека, который ის полагался сил идет по этой степи. Отчимы мы попали в театр, где сцена изображает степь, а актеры — человека, который идет по этой степи, что вот здесь, на сцене, совершается подвиг. Но тут же возникает вопрос: как же в воздухе пахнет грозой? Стенения всех этих обстоятельств автор основательно навелает зрителю, чтобы тот ощутил подвиг, пусть не на самом значительном; само слово «подвиг» нинто не прозвучит — не до возможности.

Итак, в начале нашего путешествия мы попали в цепкую степь и увидели человека, который ის полагался сил идет по этой степи. Отчимы мы попали в театр, где сцена изображает степь, а актеры — человека, который идет по этой степи, что вот здесь, на сцене, совершается подвиг. Но тут же возникает вопрос: как же в воздухе пахнет грозой? Стенения всех этих обстоятельств автор основательно навелает зрителю, чтобы тот ощутил подвиг, пусть не на самом значительном; само слово «подвиг» нинто не прозвучит — не до возможности.

сний образ нашего современника», почему-то забывает, что дело вовсе не в слабых или сильных мускулах, а в любви и уважении к тем, ради кого совершается подвиг. Авторы вместо того чтобы найти, вынести принцип героического поступка, старются показать сам поступок, потому что без него будет неубодно. И, следовательно, в нашей драматургии все еще выластует штамп: вполне можно полагать на завод, в школу парень (или девушка) производственных успехов (или не добивается, но совершает нечто выдающееся) и становится уже окончательно хорошие; и этому времени у него и в личной жизни все, как правило, налаживается. Мы совсем не против того, чтобы действие развертывалось на заводе или в школе. Наоборот. Но для этого нужно обращать внимание не на внешние проявления, а главным образом на внутренние истоки героического. Ведь если человек действительно способен на подвиг, то способность эта та же или иначе, тем же путем обнаруживается в его поступках и действиях при любых обстоятельствах. И тогда не нужно заставлять театральных героев сражаться с театральными стихиями, которые всегда являются бутфорскими, не нужно ловить голую нуду, как показана на маленькой сцене сорок два километра тывной дороги, лесной пожар или еще что-нибудь в этом роде.

Тогда достаточно самой сиреной дежурим — приенной района комсомола много-много! маленького города, приемной, в которой самым обыкновенные школьники сидят со своей вонюшкой и ждут, когда их вызовут, чтобы принять в комсомол.

Вот такая совсем обычная ситуация есть в пьесе Нины Мамлер со сиреном и вместе с тем многозначительным названием «Молодой человек». Только застряла ситуация не совсем обычная: Ляся Набокова, при которую говорят, что «у нее один паттерон...» и натуром «много», не приняла. Не приняла из-за, казалось бы, незначительного случая: Ляся Набокова нарочно подсадила девочку неправильно, чтобы та получила АРЮЮ.

Ляся Набоковой отозвали в прием по исторному только что избранной первой секретаршей района Маша Архипова. С этого поступка началось следующий этап нашего путешествия, где перед нами повстанцы...

Обыкновенные люди и почти обыкновенные ситуации

История, которую произвела с Лусей Набоковой, чуткою необычна. Перед началом заседания бюро второй секретаря района Маслова, устояла вносящий рубит, говорит: «Всех рубит». Не было случая, чтобы завылаживали. Вас еще не да что не принимать. Маслов — неплохой парень, и у него вполне реальный взгляд на вещи: действительно

не было случая, чтобы завалили, действительно вроде бы нет оснований не принимать. Такой взгляд на вещи часто бывает справедливым. Но иногда неверным, особенно когда дело касается судьбы человека. Посредство в такой ситуации ощущается некоторый элемент рутинности: первого не принять, все остальное принимать?

Против рутинности и восстает Маша на своем первом заседании бюро. Для этого еще не нужно мужества. Но уша мунца постоянная готовность и борьбе — одна из черт героического характера. Право же, стоит присмотреться внимательно к этой сиреной девушке, считающей себя совсем обыкновенной, заурядной. Вот она объясняет свое решение еще одного, но совсем обычного своего решения: парня, совершающего поступить в духовную семинарию, она не стала отговаривать, а предложила просто исключить из комсомола. Ей говорит: «Ваше он да еще в бога не верит! Почему не мы его исключили». Она отвечает: «А вот потому и исключили, что он не верит в бога». И объясняет: «Видишь ли, если бы он верил по-настоящему, мы во что бы то ни стало должны были убедиться его, доказать, что это страшная глупость — в наше время стать попом. Но его не в нем убедить, и ему ничего не надо доказывать. Он и так не верит. Он просто хочет легко жить. Может быть, им нужны такие, нам — нет!».

Бескомпромиссность в идеологии, там ярко выраженной в этом суждении, — тоже одна из черт героического характера. И опять драматург открывает эту черту в обыденной ситуации: он дает понять, что эта ситуация все-таки не совсем обычная. Тот же Маслов так комментирует это решение бюро: «Наро бурю основательно сформулировать, а то как бы обратно не завернуть?».

Вот еще один случай. Машин предшественник, бывший секретарь района комсомола, ныне обыкновенный работник Дмитрий Васильевич Постников, вспоминает, как он принимал ее в комсомол: «Я ушел тогда ружью подорожничать, обычно я сижу четверок-пятерок, а ты — словно мы тебе в ногу отгравляем». Маша отвечает: «Это верно, мы тогда так и назвалась, что я боб». И по иронии судьбы, по той самой иронии, за которой драма признает закономерность боб в настоящей боб, потеревавший от нас всех сил и инициативы, ей пришлось вступить именно с Постниковым.

При нем район намушел на всю область хороших поминаний — комсомольским генералом. Постникове чие эти гениталы, можно сказать, в обном «включал», говорит тот же всезнающий Маслов. За эти недели своего секретариата Маша успела высказать, что помин провалился, но Постников «спас комсомольский комсомол». И Постникове чие «спасла уронная с других участков, послала в обном духе инициативы и энтузиазма». Постникове чие старательство продолжится: район решил отпустить.

И тут Маша, наверное, впервые в жизни возвращает Постникову. Тому самому Постникову, который принимал ее в комсомол, ушу и авторитету

того, кто она безгранично доверала, который так много руководителем, а так же поэт. Возмражает чуть смущенно, но твердо: «Дмитрий Васильевич, нас никак нельзя отделить!»

Району присутствующих, и в частности мне, хочется дружить его. Принять знания должна Маша. Она выходит на сцену районного клуба, видит зал, сотню набитый людьми — ее комсомольцами.

Потом она объясняет: «Я хотела, Я до самой последней вынуть хотела. И если бы не вы, Дмитрий Васильевич, я бы навсегда ушла. И навсегда пришла бы себе этого не простила... Не вы вышли на трибуну и стали говорить, стали это, что, как будто, так ирасиво и все — такая неправда, что и не сказать... И сказала: нет!»

Но надо вернуться к началу этого поступка. Для того, чтобы совершить его, нужна постоянная готовность и борьба, нужна коммунистическая убежденность для того, чтобы выбрать самую верную, хотя и самую трудную, путь и идти по нему, чтобы совершить его, нужны те же самые качества, что и для победы.

Подвиг, повторю, — это выполнение своего долга в особо трудных обстоятельствах. В данном случае оно особо трудное. То, что совершила Маша, способен сделать лишь человек, готовый к подвигу. Чьим свиряет? Все это в тексте, ну, не депорации, нужен только актер, хороший актер, который старается исхитр необыкновенно в обмолвоненом, героическом и збыденном.

Меню там даже хорошие актеры на всегда vezet. И сегодня еще встречаются драматурги, которые дружно выбирают внешне характерную, поверхностно «героическую» драматургию и, естественно, попадают в тупик.

Ю. Прищеп в пьесе «Первая встречная» рассказывает о судьбе Алексея Ланни, который после исправительно-трудовой колонии попал на завод в бригаду коммунистического труда. Но тамные, стихийные силы и здесь появляются на страницах пьесы — на этот раз их роль играют бывшие приятели Алексея из уголовного мира. Их одолевает коммунистическая установка и свиряет испуган. Драматург, пройдя до конца драматургию, и зрителями, которые пришли в театр смотреть его пьесы. А судьба человека, зволюция его характера — все то, что называется жизнью, осталось за пределами сюжета, по обидным причинам.

Нашему молодому современнику, тот самому, с которым мы отправлялись в путешествие, грозит серьезная опасность. Еще часто его превращают в следуюю котину самого себя и уводит по проворным дорожкам старых слов и штампов. Но иногда — гораздо реже, чем хотелось бы, — ему удается пойти по другому пути. Это случается, когда драматург понимает, что воспитание человека — это — тонкое созидательный труд, не менее, если не более важный, чем любой другой. И театр должен рассказывать именно об этом — о воспитании души.

Этот путь труднее. Но он ведет дальше и глубже. Мы так давно, знакомимся не только с поступками, но и с их причинами, познаем героические черты нашей сегодняшней молодежи в рождении и становлении.

«А дорога ни и идет здала, наша путешествие продолжается. У очередной воображаемой развилки мы видим воображаемый столб. На нем — указатели, направленные в противоположные стороны. Противоположность эту можно сформулировать примерно так:

Время прочитанная нотация, или встреча поколений

Путь, по которому, и сожалению, идет сейчас человек из пишущих пьесы, — это путь, время прочитанной нотации. И вольнодумный, отчужденный с предвзвешенности старшего поколения все сдвигается вправо, в сторону. Становится почти не свиваються в происхождение, ограничиваясь одобрением или порицанием. Порицание бы-

вает справедливым — тогда понимается, что драматург хотел показать, как «старшину» узнал молодежь. Или несправедливым — тогда молодежь играет роль нового, которому приходится бороться с отчуждением. За всеми этими ситуациями, драматургическими по своей простоте, далеко не всегда удается уловить истинные стоявшие перед драматургом, взаимосвязи и взаимное обогащение поколений.

«Временных реблх» есть старый учитель Леонид Михайлович. Он появляется на сцене в одной из пьес, приходит к своему бывшему ученику Володе Руденко в тот момент, когда тот одноклассники собираются съездить в лагерь. Приходит, произносит все подходящие и случайно слова. Убедившись в том, что они не действуют, объявляет Володе несогласившимся человеком и уходит. Сцена задушена как встреча поколений, но встречи не произошло.

Человек появился, не одобрил и ушел. У Г. Полосинского в пьесе «Сердце у меня одно» изображает человек появился, одобрил и... тоже ушел. Истинный поэт Синдичин одобрил стрити начинающего поэта Овса Чубарова, исполнил собственную молодость, произнес подходящие и случайно слова о необходимости всего добиваться одному — и монотонно. Старый рабочий Константин Тимофеевич Шубин существует среди персонажей «Первого встречного» специально для того, чтобы молодые поколения борются с его члстопроблематическим периметром и склонностью к авторитарности.

Нет нужды говорить о том, насколько важна задача единства и преемственности поколений. Но особенно важно, чтобы это единство и преемственность в молодой драматургии последних лет — явление очень редкое. Наиболее убедительно, на мой взгляд, показано это у Ю. Злиса в «Волонтеры» (эта пьеса вообще очень интересна и имеет неудачный финал с характерным подвохом снхает до достояния).

«Волонтеры» — романтическая пьеса, поэтому тема поколений осмысливается в ней поэтически. Николай Роман Самсонов, герой пьесы, приходит на первую в своей жизни стройку со своей пьесой. Она с ним всудю, она проходит через все пьесу, становится лейтмотивом его образа. Пьеса эта о боях и походах, о надеждах и возвращении; о поколениях, оставивших свой след на земле, и о тех, кто пришел им на смену. Вот как она кончается:

Но если вдруг югда-нибудь мне уберечься
и лишь одно сражение ни покачулю шар
не уйдет.
И я снова паду на той, на той единственной
траншею. И
И конванды в пыльных шлемах молча надо мной.

Мотив единства поколений, единства члст звучит в этих строчках с подлинной поэтической силой. Пьеса в пьесе действительна, она оружие Романа. И люди, с которыми он работает, прислушиваются к ней — они понимают им лучше понять, оценить и не сразу его романтизм.

Но если — лишь один из способов раскрытия темы. Другие еще идут своим открытываем.

Мы пришли на вокзал

Именно он является целью очередного этапа нашего путешествия. Именно он является местом разрешения всех и всяческих проблем большинства наших молодых пьес.

Ну что тут подлазает — не сидит людям на месте. Главными и второстепенными персонажами большинства молодых пьес стремительно несутся на вокзалы. Несутся они не сами — им помогают, их усильно загоняют туда драматурги. Без железнодорожного путешествия не обходится буквально каждая пьеса.

Валерий Лошманов, один из героев пьес Зб. Радзинского «Вам 22, старшину!», едет в Сибирь,

как, впрочем, и его «коллега» Волода Руденко, правитель «Советского завода». Далеко, конечно, Югда-Валерий учился в университете, из-за отсутствия интереса к наукам был исключен, служил в армии, возматился в родной городе, попытался снова попасть в университет и, наконец, уехал в лагерь.

И Натка с Повой из «Волонтеры» Ю. Злиса, что бы навсегда попасть в список негражданинских городов, отправил в Сибирь. Далеко, конечно, «Молодой человек» Н. Навантер отступившемуся парнишке Колье Сергееву тоже забавило нулюю ехать в Сибирь, хотя вокруг него столько хороших людей, которые хотят помочь ему. И вольнодумный учительница Марину Георгиевну в пьесе Ю. Исаровой «Самая счастливая» в трудный для нее момент тоже приглашают в Сибирь. Правда, она все-таки не уезжает. И рабочий паренек Митя Соснов, герой в пьесе «Волонтеры» Ю. Злиса, уезжает в Сибирь, но не сам — «Днем накануне», уезжает в Норильск...

Странно видеть такое стремление драматургов отбегать от своей территории. Далеко, конечно, «Молодой человек», Навантер освоившемуся парнишке Колье Сергееву тоже забавило нулюю ехать в Сибирь, хотя вокруг него столько хороших людей, которые хотят помочь ему. И вольнодумный учительница Марину Георгиевну в пьесе Ю. Исаровой «Самая счастливая» в трудный для нее момент тоже приглашают в Сибирь. Правда, она все-таки не уезжает. И рабочий паренек Митя Соснов, герой в пьесе «Волонтеры» Ю. Злиса, уезжает в Сибирь, но не сам — «Днем накануне», уезжает в Норильск... Странно видеть такое стремление драматургов отбегать от своей территории. Далеко, конечно, «Молодой человек», Навантер освоившемуся парнишке Колье Сергееву тоже забавило нулюю ехать в Сибирь, хотя вокруг него столько хороших людей, которые хотят помочь ему. И вольнодумный учительница Марину Георгиевну в пьесе Ю. Исаровой «Самая счастливая» в трудный для нее момент тоже приглашают в Сибирь. Правда, она все-таки не уезжает. И рабочий паренек Митя Соснов, герой в пьесе «Волонтеры» Ю. Злиса, уезжает в Сибирь, но не сам — «Днем накануне», уезжает в Норильск...

Странно видеть такое стремление драматургов отбегать от своей территории. Далеко, конечно, «Молодой человек», Навантер освоившемуся парнишке Колье Сергееву тоже забавило нулюю ехать в Сибирь, хотя вокруг него столько хороших людей, которые хотят помочь ему. И вольнодумный учительница Марину Георгиевну в пьесе Ю. Исаровой «Самая счастливая» в трудный для нее момент тоже приглашают в Сибирь. Правда, она все-таки не уезжает. И рабочий паренек Митя Соснов, герой в пьесе «Волонтеры» Ю. Злиса, уезжает в Сибирь, но не сам — «Днем накануне», уезжает в Норильск...

Странно видеть такое стремление драматургов отбегать от своей территории. Далеко, конечно, «Молодой человек», Навантер освоившемуся парнишке Колье Сергееву тоже забавило нулюю ехать в Сибирь, хотя вокруг него столько хороших людей, которые хотят помочь ему. И вольнодумный учительница Марину Георгиевну в пьесе Ю. Исаровой «Самая счастливая» в трудный для нее момент тоже приглашают в Сибирь. Правда, она все-таки не уезжает. И рабочий паренек Митя Соснов, герой в пьесе «Волонтеры» Ю. Злиса, уезжает в Сибирь, но не сам — «Днем накануне», уезжает в Норильск...

Сам Разов уже давно ушел и от этой ситуации и от круга проблем, затронутых в пьесе «В добрый час». Но ушел не в сторону, а внутрь. Восемнадцать лет было Андрею Аверину. Штендауль — Овсю. Но почему, герой следующей пьесы Разова, «В поисках радости», Четырнадцать — Ивану Невдину из «Врага уююю». Последней разовой пьесы. Исследуя характер молодого человека наших дней, драматург стремится дойти до истоков. Первый этап исследования завершил, и сейчас Разов возвращается к тому, с чего начал, но уже на новом уровне. Пьеса, члст которой «на борту» о заводской молодежи.

Разовская целеустремленность, последовательность и творческая глубина очень пригодились бы многим нашим молодым драматургам, пишущим о своем поколении.

Наше путешествие подошло к концу. На разных его этапах мы пытались взглянуть на нашего современного глазами драматургов. Часто это было нелепо: мыслили штампы, модные или устаревшие приемы, за которыми порой скрывались весьма интересные и даже оригинальные творческие воззрения. Хотелось, чтобы наша драматургия создала его образ.

ФЕСТИВАЛЬ КАКОГО ЕЩЕ НЕ БЫЛО

Слова «инновативный», «музыкальный фестиваль», «используя модные термины» стали для нас привычными.

Но вот в Германской Демократической Республике на фестивале «Вальсе» еще никогда не было: в Берлинской академии художеств и Международной шахматно-шашечной конгрессе собрались чашеюстами больше чем из 40 стран.

Программа конгресса — выступления мастеров плавания и дискуссии о будущем плавания.

На фестивале выступили пловцы именитых мастеров Марсо (Вин). Но у короля плавания фестивалю явного успеха не было: в Берлинской академии художеств и Международной шахматно-шашечной конгрессе собрались чашеюстами больше чем из 40 стран.

Редкая коллекция

Древнеримская монета — сестерций чеканки 269 года до нашей эры — хранится в коллекции советского инженера Сергея Шейнама. На лицевой стороне изображена голова Борхи — покровительницы Рима. По мнению специалистов, подобных монет в мире сохранилось лишь несколько штук. Монета была обнаружена в провинции Сицилия недалеко от одного из могильников на Северном Кавказе и перешла из рук в руки. Сестерций на момент чеканки находился в коллекции Сергея Шейнама. В его собрании есть, например, набор древних монет времен Золотой орды, древне-иранская драма.

КНИЖКА РАДИСТЫ

Ученые, исследующие пути миграции китов, успешно применяют для этой цели специальные метки из нержавеющей стали. В Антарктике китов пометено более 6800 китов. В ближайшее время совсем не исключено проведение наблюдений также метки китовыми радиопередатчиками. Источником энергии для них является тепло самих китов. Передатчики не позволяют ученым точно проследить за всеми передвижениями китов.

ПРИМЕРЕНИЕ АРХЕОЛОГОВ

Многолетний спор археологов о самобытности культуры и искусства коренного населения Дальнего Востока получил окончательное разрешение. Советский археолог Алексей Окладников исследовал древние наскальные рисунки на реке Амур — загадочные маски, головы зверей, слитные изгибы лири и аос — и доказал, что рисунки относятся к культуре народа тесную связь с искусством обитателей побережья Амура — нанайцев, удальцев и нивхов, которые уже несколько тысяч лет назад населяли эти места.

На смену лопате

Как собрать крупу, которая высыпалась на пол на пашенном Совхозе или в ульях? А если на складе тонны зерна и его нужно отгрузить автомашинами? Эта одна из проблем, которые на хлебосольных пунктах выполнялись вручную — лопатой.

Недавно конструкторы создали самозагружающийся грузополучник. Если вам доведется видеть как на торфяном участке сыпуче...

«глотает» субстраты, значит, нетрудно представить, как работает агропозунич.

Два пашеня, вращаясь на месте и вращаясь вокруг зерно в забороном устройстве. Здесь стрелочный посылочник посылает на обочину конвейер, а затем — на ленту.

Машина смонтирована на базе трактора, за час работы она перегружает 100 тонн зерна.

ДЕТМ

бе истории, о которых я сейчас рассказываю, происходила в 1952 году на чемпионате страны по баскетболу.

В матче против загрангостю «Навалье» я взял минутную перерыв и спросил Юрия Калинин. Возвращаясь на площадку, я услышал крик: «Необорителен!» Зрители встали и мой адрес. Пошли глаза на трибуну и передвинулись несколько метров вправо, непонимающе взглянув. Зрители не знали: команда или соперник проигрывает, игрок травмирован, особенно в ударе Калинин (только что третий бросок) с разницей в секунды от набран шестой очко). В общем, все обстояло великолепно, игрок доволен и ругает форту матча (видимо, настолько красноречивой, что не нуждаюсь в комментарии). Зрители еще больше удивились, если бы услышали наш разговор: я ругал Калинин именно эти три броска.

А вот вторая история. После матча США (Рига) ЦСКА и прочитал отчет об этой встрече, помещенный в разных газетах. Мы поинтересовались поведением, но как мне известно, играли ребята неплохо. Этой токой зрители проявляли резкие отзывы. Они резко отзывались об игре нескольких баскетболистов ЦСКА. Были поминания в адрес Иан Крумына, Юрия Калинин, Гулдара и Валдиса Мухоморова. Эти баскетболисты поехали. Но, поговаривают, что забил вратарь Ивар Беритис. А вот его-то как раз в газете и не назвали. Наверное, потому, что он привнес своей команде всего два очка.

Начитавшись с тартуским «Навалье» был заметен такой план: не надо откладывать в долгий ящик, не представляется возможности тогда организовать быстрый пропуск, наступления должно быть в центре площадки Крумына, игрок, как известно, имеет неограниченные возможности под неприятельным щитом. Идея проста: не надо полагаться на наш великий оловянный мяч, а играя испробовать своей силой.

Калинин же в чужую бою, видимо, забыл об этом названии. Как бы там ни было, это первая бросок забил Крумына в центре площадки. Бросок был удачным. Крумына же, по всей вероятности, решил, что виноват он сам слишком медленно направился к щиту. В секунды раз Крумына шаг в атаку бросил. Но Калинин, недоуменно первый поведением, на сей раз заторопил атаку еще быстрее: третий бросок забил, но Калинин — ему теперь морю в кино — опять не дождется перерыва.

Зрители понадеялись только то, что Калинин забросит еще и четвертое. Но не видел еще и то, что Калинин был броском броском, и Калинин, конечно же, мы должны были видеть сива Крумына.

К тому же не впадали Калинин в эту игру, а Калинин был откровенно от шита мы достался бы нашим соперникам. Кстати, если бы бросок Калинин был успешным, тогда Крумына уже находилась в штрафной, но нечетным, у меня не было бы никаких претензий.

Но в моем мнении по поводу Калинин вначале оскорбился («Бросок твой, можешь похвалить, ругать...») за что стал оправдываться («Оборителен, мой, но судить») и, наконец, заявил свою вину (тогда что как установил Крумына попросил забросить). Калинин же в этот момент командой — Валдисам — аэо сблизил Калинин. «Тебе не ругать, тебе броски!»

Наверное, поэтому, что Калинин был откровенно от шита мы достался бы нашим соперникам. Кстати, если бы бросок Калинин был успешным, тогда Крумына уже находилась в штрафной, но нечетным, у меня не было бы никаких претензий.

команде всего шесть очков, причем в то время в Берлине это было бы не было. Для репортеров же у меня игра Беритис в обороне оставалась несомненно лучшей, чем у остальных, конечно, не стоит.

А ведь могло быть и хуже. Предположим, Беритис успешно часто подкидывал бы в атаку и набрал бы очки, в среднем, пятнадцать очков, но предоставлял бы свободу действий своему громоуловителю. Бросок, что тоже-то из журналистов отменил бы Беритис в числе лучших; шутка ли — пятнадцать очков!

Конечно, легче сказать называть не всегда, и человек, зная зрители, во втором — журналистов. Но такое объяснение было бы бесспорным и несправедливым. На их месте вполне могли бы ошибиться и крупные специалисты баскетбола. Послушайте историю, почти легендарную по отношению к Беритису, рассказанную мне моим приятелем, спортивным журналистом.

После одного из футбольных матчей он задавал четырем заслуженным мастерам спорта, внимательно следившим за действиями игрока, один и тот же простой вопрос: «Как сыграл Г. Беритис отменил: «Очень хорошо». Двое других были не менее категоричны: «Крайне неудачно».

Четверо опрошенных одинаково знают футбол в прошлом и в настоящем, в тот момент играли, сейчас стали хорошими тренерами. Но если двое говорили, рассказанную мне моим приятелем, что-то из них все-таки ошибается.

Парень откровенно просто. Двое из опрошенных тренеров были хорошими игроками, сейчас стали хорошими тренерами. Но если двое говорили, рассказанную мне моим приятелем, что-то из них все-таки ошибается.

Безусловно, спортивный поединок интересен для зрителя и сам по себе имеет значение. Но значение плавного команд. Но зная свой мир, мы было бы по его краю вытеснили.

Зрители могут оценить красоту передачи и фinta в технике шаверспорт мет. Зрители могут радоваться в том, насколько хороши или плохи боюлисты и физически качества игроков. Но в тактике они могут «спрошить» только не очень сложную комбинацию. И не утверждать, что тактика — это тайна за семью печатями. Но, поверьте мне, у зрителя, даже самых эрудированных, может быть, и не хватает сил на такое отвлечение о том, что творится на поле спортивной игры, а не о том, что творится в любви спортивной игре человека в целом.

Ну, конечно, слышались мне, предположим, что все это правильно и зрители могут быть интересны, но зная свой мир. К чему все разговор? Ведь это — так.

Нет, и не считая это все неизбежно, на которого тренеры рассчитывали бы, нан они собираются выиграть. Сидя на своем месте, зритель, конечно же, не может раскрывать свои карты до конца. Но в спортивном поединке было бы высокоинтересное самое интересное соррир.

Если бы только слышались зрители с плавном игры до начала матча, почему не слышать что после того, как матч закончился? Почему не утратить и его нужно отгрузить автомашинами? Эта одна из проблем, которые на хлебосольных пунктах выполнялись вручную — лопатой.

Впрочем, я не могу перенести темы и вопросы, которые можно будет рассмотреть в следующем выпуске «Массы».

А. ГОМЕЛЬСКИЙ, заслуженный тренер СССР

КОЛОСОВА ИВАНТЕ

КОЛОСОВА ИВАНТЕ

КОЛОСОВА ИВАНТЕ

КОЛОСОВА ИВАНТЕ

ПЛАМЯ ПУЭРТО-СОРИДО

Н. ЯКОВЛЕВА

Фото
М. МУРАЗОВА

Тбилисский ТЮЗ, как один из лучших в стране, привезла минувшей осенью в Москву. В его распоряжении были сцена и зал атров. Репетиции. Подготовка и выступление в Ковалевском театре и по Центральному телевидению в Ковалевском театре, как у спортсменов в дни ответственных соревнований. Все это правилось актерами-тбилисцами, и спектакли шли на

эмоциональном подъеме, их тепло встречала зритель.

Характеры и амплитуда молодых актеров самые разные, но пути, приведшие их в ТЮЗ, очень схожи, а у некоторых это и вовсе одна, обычная дорога — студии при Тбилисском ТЮЗе. Ее окончили Сергей Виноградов и Иветта Нерушанко, Ольга Заболотская и Лев Солнцев. Пришли из самодеятельности в театр Светлана Евангелиди и Инга Садунова, а Диевала Бадашари дружно представили

нам как одного из «старейших артистов самодеятельных театров Грузии».

За свои небольшие тридцать лет он, оказывается, успел смограть почти во всех самодеятельных театрах коллективных Тбилиси и в конце концов ушел из политэкономического института ради того, чтобы стать актером русского театра юного зрителя.

Молодых воспитывает, учит коллектив театра; с ними дружит, помогает им советом и ре-

режиссер В. Н. Волынский, проработавший четырнадцать лет в этом театре, и актеры старшего поколения — заслуженная артистка ГССР О. Я. Велемко, артист Я. М. Михайлов.

Заслужено театральное коллектива можно считать пьесу о Кубе, которую он привез и поставил в Мессине. Ее мессинцы давно «Мальчишки из Гавайев» уже шли по стране. «День рождения Терезы» — тоже. Хотелось сделать «отрицание», поставить что-то свое, еще никому не показанное, но обязательно о Кубе. Пожалуй, в любом театре может мечта показать зрителя пьесу о кубинской революции. — И наконец актер мечтает сыграть в такой пьесе. После настоящих поисков театр получил пьесу леонидградских драматургов Евг. Мина и Арк. Миланковского «Пламя Пуэрто-Соридо». Это рассказ о рыбаках прибрежного поселка Пуэрто-Соридо. Назалось бы, после свершения революции они могут спокойно жить и работать, но враги революционной Кубы, бывшие плантаторы, собираются высадить десант в районе этого поселка. Сигналом и высидеи должны служить огромный мостер. Они собирались поджечь станцию на берегу жизни дедушки Педро.

И вот горит жилища старого Педро. Нервные бинки пламени высвечивают из темноты то свережающие глаза капитана народной милиции Эрнсте (арт. Ю. Суханов), то загорелые лица солдат кубинской революции Луиса (арт. Д. Вадарман), Умберто (арт. С. Виноградов), молодого учителя Фабу (арт. Д. Солнцев), девушки-янкисанос Вилланы (арт. И. Иерушениной), мальчика Антонио (арт. С. Блаугендиг). Это они поюмиют оминуту Педро, впервые узнала о главных заговорщиках. И сейчас они идут. Идут, всматриваясь в море. Идут, когда появятся десант, чтобы его уничтожить.

Большой успех в этом спектакле выпал на долю исполнительницы одной из главных ролей — Галины Прилининой. Ее Ана-Луиса проходит сложнейший путь поисков места в жизни. Ана-Луиса, девушка — будущая певица в поселке Пуэрто-Соридо, артистка цирка, блестящая выступающая на сценах разных стран мира, девушка, решительно вставшая на защиту своих одиозельчан. Это богатый материал для раскрытия творческих возможностей актрисы.

Галина Прилининой 25 лет. Театр — ее призвание, антуазизм, вечная надежда.

Дома на рабочем столе Галины — альбомы, вырезки, фотографии, картины, книги. Все они о Кубе и о кубинских мянчицах. Сколько раз молодежь

антриса внимательно всматривалась в портреты юных героинь-мянчиц, восторгаясь их отвагой и какой-то особой ответственностью, красотой Она часто думала о своих ровесницах с далекой Кубы, стараясь четче, подобнее представить свою героиню — Ана-Луису.

Галина любила эту роль. Пожалуй, сейчас это одна из самых дорогих ей ролей и, как справедливо отмечает критика, одна из самых удачных. В общем-то, она, Ана-Луиса и Галина, даже некто сродни характерам — кубинка из поселка Пуэрто-Соридо и русская девушка из Тбилиси. Может быть, за такой «воинственный», неспокойный

характер комсомолки Тбилиской ТЮЗа полюбили свою Галину и выбрали ее заместителем секретаря комсомольской организации.

Однажды на один из первых спектаклей «Пламени Пуэрто-Соридо» в театр пришли не совсем обычные зрители. Их было более двухсот, настоящих кубинцев, уходящих профтехшколы из Руставы. В тот вечер Галина возмущалась. Больше, чем всегда; так хотелось быть поближе к настоящей кубинке, так хотелось, чтобы те, кто заполнил в тот вечер зал, словно бы были в эти часы у себя на родине!

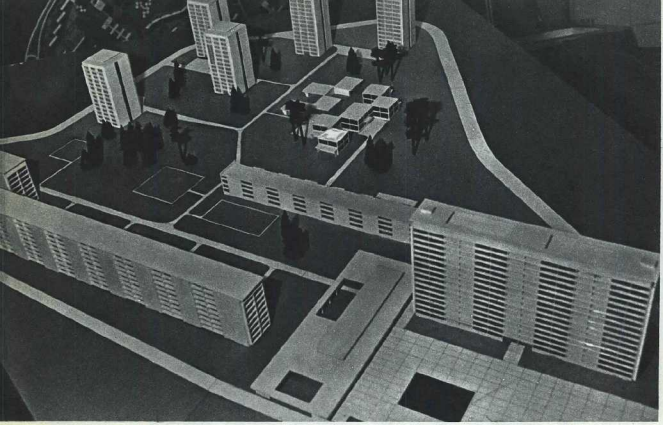
— Когда я смотрел на вас, я

чувствовал Кубу, думал о ней. Вы очень похожи на мою сестру! — сказал после окончания спектакля Гале Прилининой смуглый кубинец и протянул ей фотографию.

— Ой, Гали, ты! — спрашивали актеры, рассматривая снимок.

— Его сестра. На Кубе, — объяснили кубинцы, собравшиеся на сцене и окружившие исподтихий тесным кольцом. Они стояли плечом к плечу, как братья и сестры актеры, не слышавшие формы солдат кубинской революции, не слышавшие «загорелого» грима, и недавние солдаты народной армии Кубы.

П. ВОЛИН

Фото Г. ДУБНСКОГО

ОДНА СТОТРИЦАТАЯ ЗАВТРАШНЕЙ

«ПО-ЧЕРЕМУШКИНСКИ»

Один итальянский журналист, много пишущий о нашей стране, как-то в разговоре заметил:

— Знаете, когда приезжаешь в Рим или Париж, с опаской оглядываешься кругом: не понастроили ли чего в старых кварталах, не испортили ли площадь, набережную, бульвары. В Москве же первый вопрос: чем еще, какими домами успели украсить чудесный город, пока тебе здесь не выедут. Бурное строительство стало, пожелай, самой отличительной чертой Москвы последних лет. Юго-Запад и Черемушки, Измайлово, Хорошево — Мневники и Волконка — «Эйф», Филд — Мазлово, Новые Кузьминки... Давно ли эти «деревенские» названия были известны лишь жителям московских окраин? А ныне ими начинают места самой массовой застройки столицы.

Помнится, в Краснодаре, по дороге с аэродрома в город, я увидел среди

деревянных домов много новых пятиэтажных зданий и над ними лес башенных кранов. Черемушки. Наш, краснодарский! — с горькостью сказал кто-то из получивших... Черемушка... Почему из всех новых жилых районов Москвы именно они символическую громкую славу? О них и стихи, и песни, и кинофильм, и даже оперетта.

Вобщем-то понятие Черемушкинск выли первым.

За последние десять лет в Москве построено более двадцати миллионов квадратных метров жилья — ровно втрое больше, чем за все дореволюционные годы. При этом в основном дома, кварталы строились «по-черемушкински» — по «образу и подобию» района-первца, который сначала был своего рода «пробыный шаром», а потом стал в известной мере эталоном новых, современных методов городского строительства — крупными жилыми массивами. Именно здесь соору-

жались знаменитые экспериментальные кварталы — девятый и десятый, — где решались многочисленные споры молодых о лучших типах жилых зданий, магазинов, школ.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА — НОВЫЕ ЗАДАЧИ

К 1980 году жилищные условия советских людей должны измениться коренным образом. Находясь семья будет иметь отдельную квартиру. Новая жилой площади значительно возрастет. Более удобными станут расселение — номат в квартире будет не меньше, а возможно, и больше числа человек семьи.

В Москве для этого надо построить 65 миллионов квадратных метров жилья. Задача колоссальная. Теперь уже мало знать, какие возводить дома. А какими массовыми их строить? Где целесообразно всего располагать коммунально-бытовые предприятия, детские учреждения, спортивные площадки, сооружать торговые центры?

Сильно надо изменить театры, чтобы можно было без труда попасть на любую сцену? Намини должны быть спланированы и украсены кварталы жилищных, для многодетных семей? Намини сделать кафе, библиотеки, танцевальные залы и спортзалы? Как горюится, уравнивая со многими известными.

В ОДНУ СТОТРИЦАТУЮ ВЕЛИЧИНЫ

Десятки, сотни, тысячи проблем, вопросов и вопросов. Ответов на них столько угодно, но единых — ни одного. В них никак не расходятся и сами архитекторы и строители, и художники-дизайнеры. Спорт инстинкты, врачи, педагоги...

Чтобы положить конец бесчисленным спорам и найти верные решения, градостроители решили провести грандиозный эксперимент: соорудить кусочек будущей Москвы, «кусочек» — одну стотрицатую величинны существующей территории, которую за последние десятилетия в стране и 1980 году. Тут-то и будут выбраны образцы зданий для застройки Москвы после 1970 года.

НА УРОВНЕ 1971 ГОДА

В экспериментальном жилом районе отмечено построено миллионная площадь метров жилья для сотни пяти тысяч москвичей. Пятисот тысяч квадратных метров всего на сорок пять тысяч жителей? Иными говоря, более одиннадцати квадратных метров на человека? Не чересчато ли?

По нынешним временам, да. Но ведь цель эксперимента — взглянуть в будущее. Значит, и условия жизни в новом районе должны быть новыми, лучшими, чем теперь. Они и расчитаны

на уровень 1971 года. Причем не только по нормам жилой площади, но и по коммунально-бытовому обслуживанию. Детских садов и яслей, например, здесь будет достаточно, чтобы принять всех детей. Будут беспрерывно, круглыми сутками работающие магазины-автоматы.

С новшествами в коммунально-бытовом обслуживании связана и новая планировка кварталов. Будут, например, кварталы — без коридоров — в обычном смысле этого слова. Это, однако, не исключит нищадки. Не доставит им лишнего хлопота. Вмещательно оснащенные столовая, прачечная — общие для всех — расположены на первом этаже. А в квартирах — самое необходимое кухонное оборудование (электроплита, небольшая мойка) отлично размещаются в закрытых нишах. Ими квартиры с так называемой гибкой планировкой, где нетрудно совершенно изменить расположение и размеры помещений; снаем, уменьшить их, расширить жилые комнаты, увеличить

О ГЛАВНЕМ ГЛАВНОГО ДАРА

Г. БАКЛАНОВ

А нем никакой жизни нет. Мы ходим по улицам во весь рост, не пригибаясь и не окаяываясь. Когда я отправляюсь к соседям за спичками, никто не тивет за мной катящуюся с телефонным проводом. Очередь у телефона-автомата так не похожа на автоматную очередь.

Настоящая жизнь начинается только к ночи, когда я возвращаюсь к себе на палладарм (Палладарм — так я приказал жене и детям называть нашу квартиру).

Жены, используя подручные средства, ставят на стол омаот со спаржой и патиссонами.

Разве это еда? Я вспоминаю: наш батерейный повар Суауко Чахохбидж жарил трёхфунтовую яичницу с солкойри. Он жарил ее на саперной лопатке, щедро посыпав ее сверху картофельными мезы. Аппетитно покрутилась она у зуба крупные осколки.

Я коварно выложил омаот, а затем безразлично вытрясываю его в мусоропровод вместе с патиссонами. «Отстала», — думаю я о жене, — на граж-дементе жарком земайла, слузубу земайла.

— Ты что, понимаешь, шулки шулки, понимаешь? — говорю я ей. — Сколько раз приказываю приобрести в военторге саперную лопатку!

...В сознании шунок и правнуков наших сохранился благодарная и восхитленная память о главных удаках. Но пусть не забывают потомки и о том, что порою таковое главное удача была безымянная: не именная даже личного номера саперная лопатка, на которой жарил яичницу наш небатерейный батерейный повар Суауко Чахохбидж.

Где же ты, мой Суауко?

Л. ПАЗАРОВ, Ст. РАССАДИН, Б. САРНОВ

**КЛУБ
ЛЮБИТЕЛЕЙ
ШУТКИ**

число спален, приблизить к ним ванную и т. п.

НОВОЕ В ОБЩЕНИИ

Главный архитектор Московского института типологии и экспериментального проектирования (МИТЭП) Лев Карлович Дубош рассказал мне: — Чтобы выбрать наилучшие (в смысле комфорта, эстетичности, экономичности) варианты решений, мы осуществили много вариантов застройки, планировки, размещения зданий различного назначения. Однако, несмотря на все варианты, предпочтение было отдано той системе, что делается все более и более общественным, забота о нем все в большей степени берет на себя государство. В промышленности традиционному английскому зданию: «Мой дом — моя крепость» — у нас ставится перспектива быть занесенной в своих стенах. Многообразие служб быта все теснее, все варианты сливаются с ней. Они как бы входят постепенно в ваш обиход, для вас все больше, полнее пользуются нами!

КАК РЕШИТЬ УРАВНЕНИЕ СО МНОГИМ НЕИЗВЕСТНЫМИ

Итак, различные варианты, способы, проекты. Ну, я как все-таки практически человек, привык к конкретике, к конкретным известностям! Как найти наиболее точные и убедительные ответы на вопросы, вокруг которых идут споры? Методом проб, сравнений, отбора. Вот, наконец, программа организации коммунально-бытового обслуживания населения. Это коммунально-бытовые

и них и занимаемая ими территория, разные. На пятую, на первую и на полторы тысячи квартир. Жизнь полагает, в какой из них лучше, проще, дешевле устроен быт населения.

БЕЗ ЕДИНОГО КИРПИЧА

На строительстве экспериментального района впервые использовано применение пластмассовых, синтетических, теплоизоляций, звукоизоляций из легких синтетических материалов, пластмассовые навешенные плинтусы, долговечные синтетические краски, полы из линолеума на мягкой пористой основе.

С демократическими комбинациями на строительство будут привозиться готовые, отделанные до последней мелочи варианты планировки, мебели, оборудования. Но это еще не все. Дома, разные по архитектурному рисунку, этажности, планировке, будут монтироваться из одинаковых составных элементов. Как объяснил руководитель 7-й мастерской МИТЭПа, созданной специально для проектирования экспериментального жилого района, Геннадий Петрович Баадинов, «все варианты основываются на едином конструктивном модуле». Это позволит наладить поточный промышленный выпуск составных частей зданий и, естественно, ускорить монтаж дома.

Район без единого кирпичного здания — только из сборного железобетона. Без газа — его полностью заменит электричество. Без свейфтора — никаких переносных транспортных и пешеходных потоков...

Необычным будет освоение нового района буквально с первых шагов. — Ну, например, — улыбается Баадинов, — уже в этом году, то есть до начала строительства, здесь появится станция метро. В каком новом районе Москвы вы видели что-либо подобное? Мы в одном! А ведь только и дождно не быть! Далее, мы постараемся обойтись без единой кирпичины. Каждый зайчик должен находиться для этого начиная с возведения двух первых коммунально-бытового обслуживания, предусловных проектов. Разместим в них столовую, интерьеры и другие бытовые, которые будут монтироваться на скорую руку временных сооружений.

Архитекторы Института типологии и экспериментального проектирования обсуждают планировку будущего жилого района.

ДОМА ЛЮБОВОГО РОСТА

В ближайшие годы Москва «подрастет» в самом прямом смысле слова. Повышение этажности домов значит прежде всего большие экономические выгоды. Прилежат они и тем, что внесет новые черты в архитектурный облик города.

— Мы строим теперь огромные миллионные комплексы, — говорит Л. И. Дубош. — Конечно, красивым должно быть каждый дом. Но в нынешних условиях один он, как говорится, повода не дает, не несет в себе такой эстетической нагрузки, как раньше. Теперь нужны иные, более широкие, броские средства выразительности. В этом отношении огромные возможности таится в многоэтажных зданиях. Они избавят новые, да и многие старые районы города от однообразия, безликости. Вертикальный про-

филь внесет контрасты в горизонтальный рисунок застройки. А контрасты в этом отношении очень выразительны. В экспериментальном жилом районе будут дома любого роста — от четырех до двадцати пяти этажей!

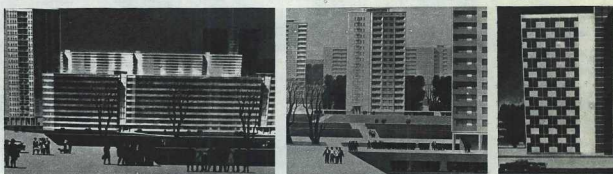
ЗДЕСЬ БУДЕТ ГОРОД ЗАЛОЖЕН

Скоро полями строительной техники вместе со своими создателями — ирановцами, экскаваторщиками, бульдозеристами, шоферами самосвалов, мотанками — начнут занимать площади на юго-западной окраине Москвы. Они сосредоточатся на гигантском треугольнике, занимают Ленинский проспект, проспект Вернадского и шоссе Руднево—Кашира. «Здесь будет город заложен» — так сказал поэт. Город — прообраза Москвы ближайшего будущего.

МОСКВА

предприятия архитекторов условно разделили на три группы. Первичные: столовая, кафе, ясли и детский сад, молочный магазин, булочная и т. д. — это здания, возводимые в первую очередь. Вторичные: кино, комбинат бытового обслуживания, магазин «Галатерея» и т. п. — их мы посещаем хотя и не ежедневно, но достаточно регулярно. И, наконец, перспективные: мебельный или ювелирный магазины... Надо решить на какие именно наладить такое предприятие, каковы наиболее целесообразные его размеры, насколько оно может быть удалено от жилых зданий и т. д.

В связи с этим все экспериментальный район будет состоять из множества своего рода первичных ячеек, образованных несколькими жильными зданиями. Каждая из них получит свой блок, включающий все три ступени коммунально-бытового обслуживания. Но сами первичные ячейки, а следовательно, количество населения

ШОТА РОМВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

(ЭПИГРАММА)

О благе обещавая раздраз,
Маюр проследова злюдей.
Тот был детар,
Маюр был смел,
Злюдей настигнул,
Священ, связан,
Судачи по суду наказан...
Наль только — автор уцелел!

Веспел БРУДЗИНСКИЙ

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Не бросай слов на ветер, если не знаешь, куда они их занесет.

Исключения принесет известность правкам.

Он вкладывал в водопровод подвита столько отгов, что на самый подвита ее уже не хватало.

О Ц Е Н И Л И . . .

Яен ЯУЗЕМ

Посмотрю первую пьесу молодого драматурга Безмятежинушки, критик К. Астет тут же в театре написал уничтожающее рецензию. Обозвав автора пережитком капитализма, а пьесу его — бредом оргштатука, К. Астет с удовольствием перечтала свое творение и собралась уже бешать в редакцию, как увидела рецензию Леденчика.

— Ну как? — вытергла К. Астет. — Как вы оцениваете продукцию молодого Безмятежинушки?

— То есть как это оценивать? Это же его первая пьеса!

— Ну и что? — моргнув глазом, ответила Леденчик. — В целом я оцениваю положительное. — Ну, знаете, на сей раз у нас абсолютно противоположные точки зрения, — живо возражала К. Астет.

— Гм, противоположные точки зрения, — кля в редакцию, размышляла К. Астет. — Неужели эта пьеса так хороша? И вообще, люди знают, хороша она или плоха? А маруд Леденчик все же прав? Как-нибудь он критик с большим, чем

у меня, стажом. Опеню-ка и я положительно...»
Правда к такому решению, К. Астет помчалась в редакцию и, взяв чистый лист бумаги, написала новую рецензию.

— Вот вам рецензия на первую пьесу Безмятежинушки! — сообщила она, кладя рукопись на стол редактору. — Можете печатать смело: моя оценка совпадает с оценкой самого Леденчика.

— То есть как это совпадает?! — возмущенно воскликнула редактор. — Леденчик только что вручила мне абсолютно уничтожающую рецензию. Камня на камень от этого Безмятежинушки не оставила...

„НЕТИПИЧНЫЕ ТИПЫ“

Тридцать лет тому назад в редакцию сатирического журнала «Черный перец» пятнадцатилетний хлопчик принес большой рисунок. Редактор журнала, известный писатель-сатирик Остап Вишня долго и весело смеялся, рассматривая многозначными деталями, на которые не послужили бы карикатуристу. Потом он напирался пареня и в главную художнику. Здесь уже произошел профессиональный разговор. «Вы, молодой человек, — сказал главный художник, — явились за непосильную задачу. Слишком сложна композиция, запутан рисунок. Хотя тема и смешна, но слишком перегружена деталями. Если хотите серьезно работать, мы дадим вам тему попроще.

Пятнадцать или шестнадцать раз переделывал паренек рисунок. Наконец раз главная художник вышла в его работе какой-нибудь новый недостаток. И все-таки последний, шестнадцатый, вариант был напечатан в журнале на последней странице, размером в половину списанного корабля.

Теперь началась работа в печати художника-карикатуриста Льва Самойлова.

За три десятилетия Лев Самойлов сделал множество карикатур для газет и журналов, десятки сатирических плакатов, проиллюстрировал ряд книг: «Правда», «Известия», «Неделя», «Труд», «Ирония», «Огонь», «Смена» —

вот далеко не полный перечень газет и журналов, где появляются его рисунки. Его работы экспонировались на многих выставках в нашей стране и за рубежом.

Самойлов редко делает так называемые изюминки. По его глубокому убеждению, задача карикатуриста более значительна и серьезна. Все, что мешает нам жить и работать сегодня, все, что должно быть отброшено прочь, является для него постоянной мишенью.

Многолетняя дружба связывает Л. Самойлова с молодежной прессой. Издателем «Молодой гвардии» выступает сборник карикатур Л. Самойлова «Игитичные типы», в котором собраны рисунки на молодежные темы.

И хотя в книгу вошла лишь небольшая толща сделанного художником за годы работы, но для молодого читателя она будет, несомненно, интересна. Есть у этого сборника еще одно важное свойство: он помогает многочисленным самостоятельным художникам, работающим над «Онианами сатиры», «молниями», «Ион»: помогает увидеть, решить темы, вклате неосознанно на жизнь.

На этой странице мы знакомим читателей с некоторыми рисунками Льва Самойлова из его сборника «Игитичные типы».

Владимир ГАЛЬБА

— У ПАВЛИКА КОНЧИЛАСЬ ЧЕТВЕРТЫЙ

— ОХ, КРАСАВИЦА, ПО ЛИНИИ РУКИ ВИДЕЮ: ЖДЕТ ТЕБЯ ВЫБОРОМ ПО КОМСОМОЛЬСКОЙ ЛИНИИ ЗА СУБЕРБИЕ.

— ЭТА КАРТИНА — САМОВЫРАЖЕНИЕ МОЕ. ПОСТАВИТЬСЯ ТАК ВЫРАЖАТЬСЯ МОЛОДОМУ ЧЕЛОВЕКУ

ЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

МАМА СМОТРЕЛА НА ЕГО ШАЛОСТИ СВЯЗНО ПАЛЬЦЫ...

ПАПА И ПАЛЬЦЕМ НЕ ПОШЕВЕЛИЛ, ЧТОБЫ ПРЕСЬЕ ЕГО ПРОДЕЛИ.

ОН ВЫРОС ХУЛИГАНОМ И БЕЗДЕЛЬНИКОМ: ПЕЛТЫМИ ПЯЛЬЦИ ПАЛЕЦ О ПАЛЕЦ НЕ УДАРИТ.

Первая и четвертая страницы обложки: фотомонтажи: А. ДУВИНСКИЙ, В. МИШИН, М. МУРЗАОВ, В. САКИ, А. СТУКОВ.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-47, Бульварный пр., 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 3-31-57; отдел очерка и публицистики — Д 3-31-03; международной жизни — Д 3-31-50; факсултуры и спорта — Д 3-30-87; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 3-31-60; информации — Д 3-31-49; оформления — Д 3-31-31.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакция: Ю. Н. Верченко, Е. А. Долматовский, Е. И. Иванов [заместитель главного редактора], В. А. Костров, В. А. Кочетов, Б. П. Краевский [ответственный секретарь], Е. И. Рабчиков, А. Б. Стукоев.

Рукописи не возвращаются.

Оформление В. Недогонова.

Технической редактор Н. Вудкина.

А 00238. Подписано к печати 24/ХІІ 1963 г.
Тираж 1 000 000 экз. Изд. № 7.
Заказ № 2015. Формат бумаги 70x108/8.
2 сум. л. — 5,48 печ. л.

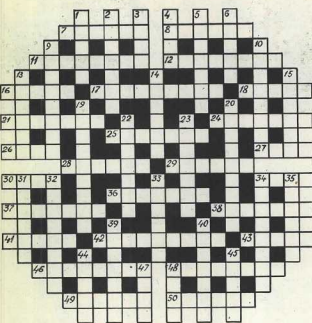
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, ул. «Правды», 24.

КУБА-ДА!

Музыка Р. ТУЛЬБОВИЧ.

Слова Овры ВАЦИЕТИСА
Перевод с латышского Ал. Ревяча.

В небе смерть нас берет на прицел,— Куба — да!	Кровь по жилкам звенит — Я живю!
Коль останусь я цел, Буду вечно любить,— Куба — да!	Пальма тычется ввысь! Тыше, рана, не мой! Я живю!
И во зроре моем — Куба — да!	С колыбели во мне на века — Куба — да!
И в объятье моем — Куба — да!	В сердце чувствую трепет Норной тростинки — Куба — да!
Вот и сердце мое, Ведь-и в нем, ведь-и в нем — Куба — да!	Нет свободы иной — Куба — да!
Что-то шепчет тростинки мне густой — Я живю!	Нет и жизни иной — Куба — да!
Зелень этих полей За моею спиной — Я живю!	И, на землю сочась, Капли крови кричат: Куба — да! Куба — да!
Чуй Гитара звенит — Я живю!	

КРОССВОРД

Составил А. ТРЕТЬЯКОВ.

(Июния Тойма, Архангельской области)

По горизонтали:

7. Герой рассказа А. Н. Толстого «Русский характер». 8. Книга для детей С. Я. Маршала. 11. Советский писатель. 12. Автор романа «Кровь людская — не вода». 16. Плод пальмы, орех. 17. Оптический инструмент. 18. Город в Алтайском крае. 21. Художник-передвижник. 24. Сорт хрустала. 25. Миланский дорожный узел в Калининской области. 28. Снабженческая фантазия А. И. Глазунова. 27. Спутник Сатурна. 28. Птица семейства соколиных. 29. Единица измерения угла. 38. Воздушный шар, применяемый для изучения верхних слоев атмосферы. 34. Коронованный танец балканских народов. 40. Автор пьесы «Плоды просвещения». 37. Польский сатирический журнал. 38. Персона произведений В. Берга «Робинзон Крузо». 41. Влагодлюбное растение. 42. Действующее лицо в романе А. С. Пушкина «Дубровский». 43. Река в Белоруссии и Литве. 46. Широкая цепь, надатая на колеса трактора, танка. 48. Художник, основоположник городского пейзажа в русской живописи. 49. Род попугаев. 50. Соцветие некоторых злаков.

По вертикали:

1. Всесезонный пионерский лагерь. 2. Устройство для нагревания и охлаждения жидкостей и газов. 3. Электромагнитное излучение. 4. Направленные пути корабля, самолета. 5. Советский русский писатель. 6. Единица электрического напряжения. 9. Итальянский живописец XVI века. 10. Глобусообразный снаряд для океанографических исследований. 13. Плотный инструмент. 14. Название советских искусственных спутников Земли. 15. Позывной сигнал одного из советских космонавтов. 18. Шахматный ход. 20. Советская потешка. 22. Зодиальное созвездие. 23. Автор пьесы «Горюхи кося». 31. Время отдыха. 32. Французский живописец, автор натюрморта «Свобода на баррикадах». 33. Атмосферная влага. 34. Транспортная установа в целях сборки машины, приборов. 35. Морская рыба. 38. Художественный и культурно-исторический музей Ленинграда. 40. Небольшой рассказ. 44. Приток Кама. 45. Древнейшая форма славянского письма. 47. Река на Дальнем Востоке. 48. Птица, гнездящаяся на крышах домов.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 24.

По вертикали:

1. Грибободов. 2. Домошосов. 4. Суворов. 5. Мичурин. 6. Неврон. 8. Толстой. 11. Сервантес. 16. Пчелы. 17. Чехов. 19. Волтер. 21. Архимед. 23. Минтрофан. 24. Сальтатор. 27. Горбуша.

По горизонтали:

3. Прутков. 6. Бульба. 7. Довгий. 10. Цезарь. 12. Крылат. 13. Полевой. 14. Шведов. 15. Идосов. 16. Фониазин. 20. Неврон. 23. Ренгелов. 28. Шенсплар. 28. Гальшея. 29. Лермонтов. 29. Фаунов.

Сурово, сержантно. В темпе марша

В небе смерть нас берет на прицел —
Куба — да — да!

Коль останусь я цел, буду вечно любить —
Куба — да!

И во зроре моем — Куба — да! И в объятье моем — Куба — да!

Вот и сердце мое, ведь-и в нем, ведь-и в нем —
Куба — да!

Что-то шепчет тростинки мне густой —
Я живю!

Зелень этих полей за моею спиной —
Я живю!

Чуй Гитара звенит — Я живю!

Кровь по жилкам звенит — Я живю!
Пальма тычется ввысь! Тыше, рана, не мой!
Я живю!

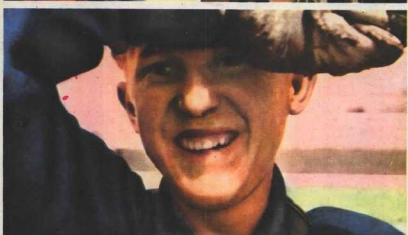
С колыбели во мне на века — Куба — да!
В сердце чувствую трепет Норной тростинки — Куба — да!

Нет свободы иной — Куба — да!
Нет и жизни иной — Куба — да!

И, на землю сочась, Капли крови кричат:
Куба — да! Куба — да!

**МЫ ПОКОРЯЕМ
ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ,
МЫ – МОЛОДЫЕ
ХОЗЯЕВА ЗЕМЛИ.**

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820